

Георгий Зуев

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
КОЛОМНА

Георгий Иванович Зуев

Петербургская Коломна

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2376575
Петербургская Коломна.: Центрполиграф; Москва; 2007
ISBN 978-5-9524-3187-4*

Аннотация

В книге петербургского краеведа Г.И. Зуева воссоздан многомерный облик бывшей столичной окраины, названной в середине XVIII века Коломной и со временем превратившейся в крупный культурный и промышленный центр, в место жительства нескольких поколений россиян, чьими руками и талантами вершилась история нашего Отечества. Авторское повествование основано на малоизвестных широкому кругу читателей материалах и фактах.

Содержание

Об авторе	4
К читателю	7
Глава 1	16
Глава 2	69
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Георгий Зуев

Петербургская Коломна

Об авторе

*Посвящается моим детям Наталии и
Александру*

Среди жителей Петербурга найдется не так уж много тех, кто бы не любил свой город, не гордился бы им. Но чаще всего наша любовь к Петербургу – любовь поверхностная, торопливая. Да, конечно же, мы сумеем объяснить приезжему человеку, как пройти к Исаакиевскому собору, расскажем, чем отличается Мариинский театр от Александринки, припомним, кто был автором Зимнего дворца, но вот стоит тому же приезжему человеку поинтересоваться историей и судьбой какого-нибудь старого петербургского дома или, скажем, уже едва различимым гербом на его фасаде, или, например, странной башенкой, венчающей кровлю здания, и тут большинство из нас наверняка зайдет в тупик. А ведь душа города живет, и проявляется она не только в знаменитых исторических дворцах и музеях, а порой скрывается в каком-нибудь невзрачном проходном дворе, на ныне запущенной лестнице, знавшей иные времена, в чугунных завит-

ках решетки...

И история города, и его судьба оказались бы неполными, обедненными, если бы среди нас не появлялись люди, чья любовь к городу становится любовью деятельной. К таким людям, несомненно, принадлежит и автор книги, которую вы сейчас держите в руках, – Георгий Иванович Зуев. Я даже не знаю, как его правильнее назвать – коллекционер? Исследователь? И то и другое будет верно. Как истинный, одержимый своей страстью собиратель, он отыскивает факты, документы, открытки, рисунки, воссоздающие историю Петербурга, как настоящий исследователь, он скрупулезно изучает пришедшие к нам из прошлого свидетельства, мемуары, сопоставляет их, размышляет над ними... Но этого мало. То, что ему удастся собрать, найти, он стремится донести до тех, кому это интересно, кто тоже любит свой город. А потому он не только коллекционер, не только исследователь, но еще и литератор.

Он умеет рассказать обо всем, что узнал, увлекательно и просто. И вот мы уже видим, как прогулка по одной только петербургской улице вдруг превращается в целое путешествие по российской истории, где соседствуют драматические судьбы и амбициозные планы, яркие события и не менее яркие характеры. Одним словом, история оживает, оборачивается выразительными картинками, наполняется головами – и вот тебя уже невольно тянет пойти взглянуть на те самые дома, мимо которых ты еще совсем недавно пробегал

торопливо и равнодушно, постоять возле них, взглядеться в их окна, за которыми вдруг так отчетливо угадывается давно прошедшая жизнь. Прочтите эту книгу, и вы наверняка испытаете подобное чувство.

Борис Никольский

Главный редактор

литературного журнала «Нева»

К читателю

*И, белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть, увы, нельзя
И позабыть что невозможно!..*

Николай Агнивцев

Необычайно интересно рассматривать старые иллюстрированные почтовые открытки, запечатлевшие неподражаемый облик нашего города, на них документально зафиксированы исторические моменты и события, канувшие в Лету. Давно уже нет людей, изображенных на снимках, умер и мастер, сделавший эти замечательные фотографии. Навсегда исчезли из повседневной жизни петербуржцев чопорный патриархальный быт, нравы, мода, старый городской транспорт. На открытках же, пожалуйста, – полные человеческого достоинства и мужества лица солидных отцов семейства, с холеными бородами, усами и эспаньолками, которых сейчас уже не встретишь. А разве не вызывают восхищения милые петербургские дамы в умопомрачительных туалетах, обольстительные красавицы в платьях с перетянутыми осиными талиями и широкими буфами рукавов. Как прекрасен и выразителен на старых фотографиях облик горожан, словно их специально отбирал для съемки взыскательный режиссер.

О многом могут рассказать почтовые иллюстрированные открытки. С удивительной документальной точностью передают они неповторимые моменты и приметы времени. Трогательно очарование жанровых городских сцен с пролетками, лакированными колясками на «дутых» шинах, конками, первыми городскими трамваями и неуклюжими автомобилями.

Почтовые открытки нередко хранят важные сведения об уникальной архитектуре нашего города, его старинных особняках и сооружениях – обо всем, что сегодня составляет золотой фонд старого Петербурга. Многие из этого фонда, к сожалению, не дошло до наших дней, в силу разных обстоятельств навсегда исчезло из повседневной жизни и, что уж тут поделаешь, даже из нашей памяти.

Особенно значительный ущерб городским постройкам нанесен в XX веке. В первые годы прошлого столетия многоэтажные доходные дома начали энергично теснить ампирные особняки Северной столицы. Творения великих зодчих безвозвратно гибли в лихолетьях двух русских революций, в годы блокады Ленинграда. Иные же объекты города безжалостно разрушили недобрые руки и жестокие сердца наших сограждан при антирелигиозных перегибах и массовом типовом жилом строительстве. К счастью, сохранились почтовые открытки и фотографии с изображением уничтоженных архитектурных сооружений города. Иногда именно эти старые, пожелтевшие от времени «открытые письма» являлись

единственными сохранившимися документами, по которым можно было не только судить о старых петербургских домах, но и реставрировать их, и даже восстанавливать утраченные памятники отечественной архитектуры...

У прилавков букинистических магазинов города нередко можно услышать обращенные к продавцу странные просьбы:

- Покажите «артистов», пожалуйста!
- Есть что-нибудь новое по «малым городам»?
- Разрешите посмотреть «головки»!

Иногда слышатся радостные возгласы и оживленные рассказы по поводу интересных находок. Подобные вопросы и приступы искреннего восторга принадлежат филокартистам – фанатичному племени собирателей старых «открытых писем», или «почтовых иллюстрированных открыток», с завидным упорством обходящих магазины с тайной надеждой найти наконец заветное сокровище, о коем они так долго мечтали. А если почтовая открытка содержит еще и небольшой рукописный текст, то впридачу вы можете получить интересную информацию, проливающую свет на малоизвестные вам стороны жизни города.

У каждого собирателя бывали ситуации, когда его сердце начинало учащенно биться при прочтении всего лишь лаконичной надписи на открытке, каковую саму по себе он никогда бы не отнес к числу интересных коллекционных экземпляров. Однако случается так, что именно этот небольшой текст, написанный аккуратным каллиграфическим по-

черком, давал начало для интересных размышлений и исследований, выводил собирателя на цепь чрезвычайно любопытных исторических связей.

Как-то в один из дождливых осенних вечеров в хорошо известном всем петербуржцам букинистическом магазине на Литейном проспекте, просматривая объемные пачки старых почтовых открыток, я неожиданно обнаружил среди них три экземпляра, не вызвавших первоначально особого интереса. Они не имели прямого отношения к моей морской коллекции. Открытки могли бы, безусловно, заинтересовать собирателя так называемых «типажей» из различных стран и времен. Однако, к счастью, я вовремя заметил, что на лицевой стороне каждой из них были сделаны четкие короткие надписи на русском языке. Почтовые открытки, датированные 1904–1906 годами, отправлялись из Египта, Владивостока и Индокитая в Санкт-Петербург, на Офицерскую улицу, в дом № 57 «Ее высокородию Анне Андреевне Михайловой». Первая открытка, изображавшая двух водоносов из Египта, от 28 декабря 1904 года, содержала достаточно тревожный и лаконичный текст: «Сейчас уходим в Красное море. Надеюсь, до свидания». Вторая, с выразительной фигурой бурятского шамана, в сентябре 1905 года извещала жительницу Офицерской улицы о том, что «адрес мой – Владивосток, крейсер, Алмаз». Наконец, третья отправлена моряком крейсера «Алмаз» из Цейлона и помечена 31 декабря – 13 января 1905–1906 годов.

С этих открыток начался поиск...

Совершенно очевидно, что отправитель «иллюстрированных открыток» совершил неблизкое и небезопасное путешествие по морям и океанам. Даты писем совпадали с началом и окончанием трагической для России русско-японской войны и гибелью 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П. Рожественского. Автор коротких путевых заметок – офицер крейсера «Алмаз», вероятно, стал непосредственным свидетелем нашей национальной трагедии в Цусимском проливе.

Расшифровка этой части текста на почтовых открытках

мне, историку флота, большого труда не представила. Даты и наименование крейсера действительно полностью соответствовали маршруту перехода русских военных кораблей из Петербурга на Дальний Восток. Крейсер 2-го ранга «Алмаз» 14 мая 1905 года в составе Балтийской эскадры принял неравный бой в Корейском проливе с японскими крейсерами и оказался единственным кораблем, выполнившим приказ адмирала и прорвавшимся сквозь строй японских броненосцев во Владивосток.

К сожалению, это все, что я тогда смог припомнить о боевом корабле Балтийского флота, ставшем участником гибельного для России перехода 2-й Тихоокеанской эскадры из Петербурга на Дальний Восток.

Но, к великому стыду, я, коренной ленинградец, ничего толком не знал об Офицерской улице. Распространенные на Руси фамилия и имя Михайловой Анны Андреевны, проживавшей в 1904–1906 годах по указанному на открытках адресу, являлись для меня «тайной за семью печатями». Сплошные вопросы и неспособность толком ответить на них повергли меня сначала в стыдливое уныние, а затем настоятельно потребовали неотложной реабилитации в собственных глазах и глазах моего помощника – внука, свидетеля этого позора. Правда, в своем невежестве я оказался не одинок. Мало кто смог мне тогда ответить, где находится Офицерская улица и чем она примечательна в истории нашего города. Подобное обстоятельство, однако, меня не успокоило.

Наоборот, подвигло на решение найти исчерпывающие сведения об одной из главных улиц Коломны, доме № 57 на ней, его жительнице Анне Андреевне Михайловой и о боевом пути героического крейсера «Алмаз».

Пришлось с головой уйти в захватывающую и интересную работу, превратиться на время в своеобразного детектива, с азартом поработать в архивах и библиотеках. Начались бесконечные переговоры и консультации с различными организациями и частными лицами. Поиск вывел не только на любопытные малоизвестные исторические материалы, но и на прекрасных людей, наших современников – скромных работников музеев, архивов, библиотек, щедро и бескорыстно делящихся информацией, советами с теми, кто занят розыском исторических материалов и документов, кто посвящает себя увлекательному делу – истории нашего замечательного города.

Цепная реакция этой человеческой щедрости позволила в конечном итоге успешно ответить на большинство интересующих вопросов, связанных с одной из печальных страниц истории российских военно-морских сил, со старейшей улицей Петербурга и с жизнью людей, некогда населявших ее дома.

Передо мной, как в многосерийном фильме, прошли нелегкие судьбы поколений наших сограждан, втянутых историей в водоворот трагических событий и потрясений. Поколений, которым все было отпущено полной мерой: счастье

и горе, победы и поражения, известность, забвение, слава и бесславие. На их долю выпали времена величайших национальных смут и трагедий. В годы великих отечественных войн, при геноциде и терроре они страдали, голодали, подвергались тяжким преследованиям и репрессиям, но стойко переносили все испытания, не ожесточились сердцем, без ропота и особых обид несли тяжкий крест неимоверных унижений, нищеты и незаслуженного общественного ostracism. Многих из них не миновала вечная разлука с отчим домом, близкими и друзьями. Некоторым пришлось доживать свой век на чужбине, надеясь до последнего своего часа на возвращение к родным очагам, в Коломну, на Офицерскую улицу, чтобы умереть на родине.

Старинная улица, ее особняки и дома внезапно заговорили. Прошрое Офицерской, осознание, что именно здесь когда-то жили и творили известные государственные деятели России, великие русские писатели, поэты, композиторы и артисты, наполнило сохранившиеся здания духовным содержанием, особой значимостью и красотой.

Три простые, казалось бы, невыразительные старые почтовые открытки, годами лежавшие в старом альбоме или старинном комоде, стали поводом для интересного поиска, позволили из дымки забвения извлечь малоизвестные эпизоды жизни граждан России, «имевших свое местожительство в Офицерской улице», – людей, своими делами и поступками формировавших историю России. Нас многое связывает

с ними, и, вероятно, по великому чувству сопричастности и уважения к нашим предкам и их делам нам дорого все, что они оставили в наследство, все, с чем соприкасались в своей жизни, что до сих пор хранит следы их благородных искренних деяний.

В предлагаемую вашему вниманию книгу включены некоторые фрагменты произведений автора, опубликованных ранее. Соединенные воедино, значительно дополненные и уточненные материалы содержат малоизвестные широкому кругу читателей и любителей исторической литературы сведения о нашем городе.

Автор искренне надеется, что его скромный труд, как и работы его коллег-краеведов, будет способствовать развитию исторической памяти петербуржцев.

Глава 1

«В Коломну, к Покрову...»

Оказалось все довольно банально и просто – улицу переименовали за десять лет до моего рождения. Не зная об этом, я неоднократно бывал здесь, часто проезжал по ней, в бестолковой суете повседневных дел и забот не замечая в современном облике улицы Декабристов величественные черты былого великолепия старой Офицерской. В привычной суматохе буден, в постоянной спешке мы, к сожалению, не обращаем внимания на сказочную красоту и удивительную гармоничность архитектурного облика этой оставленной нам в наследство улицы, с ее домами, особняками и строениями, созданными некогда великими трудами и талантом русских зодчих.

Район Офицерской улицы относится к числу интереснейших исторических мест города. Отдаленный ранее от центра столицы, он считался ее окраиной, представляя собой своеобразный заповедный уголок, сохранивший характерные черты этой старейшей петербургской местности с ее удивительным сочетанием разнообразных архитектурных стилей и насыщенностью биографий каждого дома.

На плане Петербурга эта часть города появилась уже в первой половине XVIII века и была названа Коломной.

Одна из городских частей Северной столицы, узкая полоска между Фонтанкой и Мойкой, от Вознесенского проспекта до устья Невы – именно так спланировал когда-то Коломну архитектор П.М. Еропкин.

Говорят, что название Коломна произошло от слова «колонны» – так именовал некогда прорубленные здесь просеки первый архитектор Петербурга Доминико Трезини.

Знаток истории этой части города А.Ю. Иванов полагает, что название произошло от подмосковного села Коломенского, откуда в новую столицу переселили мастеровых людей. Исследователи считают, что изначально основанием для подобного наименования скорее всего стали русизмы «коло» (около) и «мна» (меня). Иначе говоря, около столицы, около великого князя, царя, императора – «Коломна».

До сих пор существуют самые разнообразные версии и мнения о происхождении названия Коломна. Суждений много, но единого, достаточно обоснованного мнения наименования этой старинной петербургской местности до сих пор нет. На страницах исторических книг и журналов периодически появляются все новые и новые гипотезы, догадки и домыслы (и не более того) о возможном возникновении Коломны, которые, как правило, начинаются со слов «вероятно», «возможно», «полагают» и т. д.

Р. Вербицкий в заметке «Почему – Коломна?», опубликованной в «Панораме» от 14 мая 1987 года, ссылаясь на словарь В. Даля, сближает слова «Коломна» и «коло-

мень» (окрестность, околоток), полагая, что окраинное положение этой части города могло послужить причиной появления столь необычного для Санкт-Петербурга названия городского района.

В. Антонов в шестом выпуске «Панорамы» за 1985 год, внимательно изучив старинные выпуски газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и купчие документы XVIII века, отстаивает версию историка Санкт-Петербурга П.Н. Петрова о происхождении названия Коломна от итальянского «колонна» – межевой столб, просека, улица, слобода (по мере бытового расширения функционального значения слова). И действительно, в объявлении, помещенном в «Ведомостях» (1762. № 23), читаем: «На Адмиралтейской стороне между Глухою и Чухонскою речками в 21 колонне под № 1 желающим купить деревянный двор...» (Чухонская речка – старое наименование реки Пряжки).

Помимо итальянского слова «колонна» широко употреблялось и другое, с тем же значением, но заимствованное уже из немецкого языка – «колюмна»; например, в купчих 1780-х годов то и дело встречаешь это слово: «...в большой колюмне, между Фонтанкою и Глухою речкою.» или: «...на Адмиралтейской части, за Мьею речкою, в новопостроенных слободах колюмнах...».

Вот этот-то сплав из чужеземных слов «колонна» и «колюмна» и был, вероятно, переосмыслен русскими людьми в привычное ныне слово Коломна.

Любопытно, что в XVIII веке в столичном городе Петербурге, оказывается, существовало несколько районов, называемых Коломна. Та же газета «Санкт-Петербургские ведомости» в двадцатом номере за 1784 год поместила объявление о продаже частного жилого строения следующего содержания: «В Московской части в Коломне, по Басманной улице, продается дом под № 135 на жилых каменных погребях.».

Как известно, Московская часть находилась между Невским проспектом, Фонтанкой, Царскосельским (ныне Московским) проспектом и Лиговским каналом. Басманной называлась некогда нынешняя Колокольная улица, а весь район вокруг Владимирской церкви занимала с 1740-х годов Дворцовая слобода, населенная придворными, стремянными, свечниками, кузнецами, поварами и т. д. (Для них-то и была построена вначале деревянная, а затем каменная церковь. Кстати, Басманной улица звалась потому, что ее населяли басманники – придворные пекари.)

В купчих документах тех далеких времен периодически встречаются знакомые слова «колонна» и «колюмна», обозначающие будущее местоположение Кузнечного, Поварского, Свечного и иных переулков. О Стремянной улице, например, писалось: «.в Московской части в первой коломне, что ныне называется Стремянная.».

Существовали «коломны» и в других частях города. При этом можно совершенно отчетливо проследить превращение «колонны» в «коломну». Так, например, в газетном объявле-

нии от 12 сентября 1749 года читаем: «Коллегии иностранных дел секретарь Степан Писарев продает деревянной свой двор. состоящий во второй колонне от Невской першпективы... (имеется в виду нынешняя Итальянская улица)». Спустя четыре года этот же адрес звучит уже так: «На Адмиралтейской стороне во второй коломне от Невской першпективы. продается. секретаря Писарева дом». Со временем безымянная «колонна-коломна», снабженная лишь порядковым номером, обретала свое имя и становилась уже целой улицей: «В приходе церкви Вознесения Господня в третьей Коломне в подъяческой улице продается. дом». Из этого объявления, опубликованного в 1761 году, видно, что недавно возникшее название улицы еще не воспринималось современниками как имя собственное и потому пишется с маленькой буквы, а вот «колонна» уже стало таковым, превратившись в Коломну.

Итак, название Коломна существовало в различных частях города, где некогда прокладывались регулярные улицы, поэтому версии о перенесении этого слова на петербургскую почву выходцами из подмосковного села Коломенского или о его происхождении от слова «коломень» не подтверждаются.

Но возникает вопрос: почему оно уцелело только применительно к одной части города? Вероятно, причиной тому может быть то обстоятельство, что другая Коломна, в Московской части, уже имела более употребительное наимено-

вание – Дворцовая слобода. В остальных же случаях речь идет не о собирательном названии целого городского района, а лишь об отдельных улицах, которые, приобретя собственное имя, переставали называться «коломнами». (Исследования и поиски более определенного ответа о происхождении названия Коломна продолжаются.)

Коломенские земли, между Мойкой и Екатерининским каналом (ныне – канал Грибоедова), при Петре Великом составляли предместье столичного города, топкое и болотистое. Историк В.Л. Михневич писал, что «в дурную погоду не было по ним ни проходу, ни проезду. Тут же, около нынешней Вознесенской церкви, было кладбище. Что же касается пространства между Фонтанкой и Екатерининским каналом, то оно было совершенным тогда пустырем и глушью. Впрочем, по берегу Фонтанки находилось в лесу несколько дач царских сановников...».

До 1740 года северную часть Адмиралтейского острова, с одной стороны омываемую Невой, а с другой – рекой Мьей (Мойкой), заселяли адмиралтейские чины всех рангов. Территория между Мойкой и Фонтанкой в основном была лесистой и болотистой. Страшный пожар в 1737 году уничтожил здесь почти все постройки. Власти города спешно переселили жителей южнее, к Глухому протоку и Фонтанке, в район теперешних Старо-Калинкина и Ново-Калинкина мостов. Сюда переместились и некоторые государственные ведомства, такие, как строения пенькового и каторжных дво-

ров с их многочисленными службами. Слобода в районе этих мест и территория Матисовой деревни составили основу Коломны. Протекавшую у Матисовой деревни речку Чухонку в 1737 году переименовали в Пряжку, так как неподалеку от нее располагались прядильные амбары.

В первой половине XVIII века местность, ограниченная Невой, Мойкой, Английским проспектом, Екатерининским каналом и Фонтанкой, получила наименование Малой Коломны, в отличие от Большой Коломны, расположенной несколько южнее и восточнее. Заселение Малой Коломны шло интенсивно. Здесь обосновались мастерские адмиралтейского ведомства, отставные нижние чины, мелкие торговцы. Улицы долго оставались немощеными и застраивались вначале деревянными домами в один-два этажа, реже встречались каменные строения. Центром Малой Коломны стала площадь, ограниченная нынешними Упраздненным и Дровяным переулками, Псковской и Витебской улицами. В то время она являлась у жителей излюбленным местом для выпаса коз, которые и определили ее столь необычное неофициальное прозвище – «Козье болото». Долго еще, вплоть до 1849 года, площадь сохраняла это наименование, пока наконец официально не превратилась в Воскресенскую, по названию церкви – двухэтажного храма, напоминавшего творения архитектора К.А. Тона – создателя эклектического «русско-византийского» стиля.

Церковь во имя Воскресения Христова на Воскресенской

площади сооружалась по распоряжению императора Николая I в связи с избавлением Петербурга от холеры и в честь рождения его младшего сына, великого князя Михаила.

Первоначально на отведенном для церкви месте поставили небольшую часовню для сбора пожертвований, строить ее начали 16 декабря 1845 года, а освятили 8 марта 1846 года. В конце следующего года состоялась закладка церкви по проекту академика Н.Е. Ефимова. Строителем ее избрали служившего в Главном управлении путей сообщения архитектора А.И. Шевцова, его помощником – архитектора В.Ф. Небольсина. 10 января 1848 года последовало высочайшее соизволение и благословение Синода на устройство временной церкви. В том же году при часовне устроили и освятили временный деревянный храм во имя Рождества Христова, разобранный в феврале 1861 года. В 1848–1850 годах строительство каменной церкви продолжалось, но лишь в 1857 году началась окончательная отделка интерьера храма, установка иконостасов, отливка колоколов, изготовление утвари и т. д. 28 февраля 1859 года церковь освятили. 4 октября того же года освятили боковой придел Тихвинской Божией Матери, а 8 ноября 1861 года – второй боковой придел, во имя святого архистратига Михаила.

Церковь во имя Воскресения Христова на Воскресенской площади.

Фото Н.Г. Матвеева. 1900-е гг.

Трехпрестольная церковь Воскресения Христова имела два этажа, три придела: главный, во имя Воскресения Христова, и названные боковые устроили в верхнем этаже. В нижнем располагались вертеп Рождества Христова по образцу Вифлеемского и еще два боковых придела. Интерьеры нижней церкви выполнили в 1870-е годы по проекту архитектора С.В. Садовникова.

Спустя восемь лет после освящения церкви в главном куполе открылась течь, вследствие чего началось экстренное исправление всего здания. Работы проводились в 1867–1869 годах под наблюдением архитектора К.Я. Маевского.

Все иконостасы и царские врата церкви мастерски вырезаны из соснового дерева. Иконы во всех иконостасах писаны маслом на холсте. Церковная утварь отличалась особым изяществом.

Близ храма обосновалась богадельня для бедных женщин. В феврале 1870 года при церкви образовалось Общество для вспоможения приходским бедным, в его ведение поступила и богадельня. При обществе открыли приюты для девочек и мальчиков. Обществу оказывала покровительство великая княгиня Ксения Александровна.

Храм Воскресения Христова безжалостно разрушили в 1932 году, а место, на котором он был сооружен, переименовали в 1952 году в площадь И.П. Кулибина, увековечив этим актом память русского изобретателя. Великий механик-самоучка приехал в столицу Российского государства в 1769 году по повелению самой Екатерины II – уж очень поразили царицу мастерство и талант Ивана Петровича.

Издавна Коломна, один из самых низменных уголков города, страдала от сильных наводнений. После дождей на ее улицах обычно подолгу стояли огромные лужи, и сюда, на мшистое «Козье болото», приезжали охотиться на уток и бекасов петербургские жители.

В царствование императрицы Елизаветы Петровны отец светлейшего князя М.И. Кутузова, Илларион Матвеевич Кутузов, представил государыне свой проект «О проведении канала для предотвращения жителей столицы от губительных последствий наводнения». Проектом опытного военного инженера предусматривались работы по созданию сквозной водной артерии от Мойки до устья Фонтанки, комплекс инженерно-технических работ по капитальной расчистке, расширению, значительному углублению реки Кривуши на всем ее протяжении и превращению водоема в эффективное гидротехническое сооружение. Проектом тогда же предусматривались работы по выпрямлению русла реки и уничтожению ее больших излучин, а также по отделке тесаным гранитом берегов и набережных. Однако решение о проведении работ по сооружению нового канала приняли лишь после вступления на престол Екатерины II.

7 апреля 1764 года генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа преподнес новой императрице доклад «Об очищении Глухой речки на пользу и украшение столицы». Ознакомившись с документами, 17 мая того же года Екатерина II утвердила их, высказав при этом свои замечания и пожелания. В частности, она повелела: «Соединить канал при устье с Мойкою, вычистить, углубить, расширить и сделать удобным для проезда барок». При этом императрица указала на необходимость «дать каналу везде глубину от уровня не менее одной сажени, а ширину между набережными – восемь сажень,

а где место дает – то шире, сохраняя только чтобы по обеим сторонам проезд свободным был».

Екатерина II категорически отвергла предложение строителей о спрямлении русла речки Кривуши и уничтожении ее больших излучин. На представленном докладе рукой императрицы было начертано: «Речку, названную Глухою, очистить по натуральному ее течению». Таким образом, по повелению Екатерины II естественные изгибы русла реки Кривуши остались неизменными, старинный водоем сохранил свою первоначальную форму и большие излучины.

Императрица Екатерина II.
Художник Д.Г. Левицкий. 1783 г.

Императрица утвердила также смету расходов на строительство нового городского канала. При этом предполагалось, что на очистку берегов Глухой речки, а также на строительство «всех мостов, крылец, съездов и перил» понадобится 368 906 рублей 49 копеек. Утверждая смету, императрица указала, что «для избежания лишних расходов предусмотреть, чтобы все подряды и закупки производились с должною бережливостью, строго по указам и регламентам канцелярии Главной артиллерии и фортификации, без посредства особых комиссионеров».

Именным указом императрица утвердила и штат чинов, необходимых «для производства работ, письменных дел, содержания казны и материалов». Надзор за работами возложили на инженер-полковника Назимова. Все необходимые строительные материалы доставлялись в пакгаузы канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Общее наблюдение за производством всех работ на новом канале осуществляли генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа и князь Григорий Орлов. Их общее руководство строительством будущего Екатерининского канала императрица закрепила 24 марта 1765 года своим именным Высочайшим указом.

3 июня 1766 года Глухую речку (она же река Кривуша) Высочайшим повелением переименовали в Екатерининский

канал, имевший общую протяженность 4 версты 318 сажень. Планами строительных работ Глухую речку разделили на пять рабочих участков, освоение которых в общей сложности заняло более 25 лет.

Строительство канала по его завершении (со всеми мостами, парапетами, спусками к воде) обошлось казне приблизительно в 1 165 950 рублей при стоимости каждой его сажени в среднем в 500 рублей.

Интересно отметить, что расходы на строительные работы по прорытию и обустройству Екатерининского канала поступали не только из казенного ведомства, но и за счет специальных налогов от населения.

Императорским указом от 17 июня 1769 года предписывалось: «В рассуждении, что оные каналы имеют быть для здешних городских жителей, на сделание оных собрать с здешних жителей, имеющих свои дома; почему о сборе как с купечества, так и с разночинцев распоряжение учинено быть имеет». Аналогичное распоряжение содержал и Высочайший указ от 25 июля 1785 года, повелевающий «построенные берега Невы, Фонтанки и Екатерининского канала отдать в ведомство Санкт-Петербургской управы благочиния с тем, чтоб она предоставила содержание и починку впредь оных берегов с принадлежащими к ним протоками обывателям по дистанциям, каковые лежат противу каждого дома».

Столь продолжительный период работ по обустройству Екатерининского канала зависел прежде всего от его значи-

тельной протяженности и от затруднений, возникавших при его проходке. Строителям приходилось на некоторых участках засыпать многочисленные пустоты и забивать сваи «в местах широкого разлива воды». В иных же местах землекопы вынимали из русла бывшей речки Кривуши значительное количество грунта, достигая установленной глубины канала. На зыбких участках почвы, плывунах в границах предусмотренных проектом берегов перед выемкой земли приходилось укреплять болотистые места деревянными щитами, выкачивать воду и уже после этого приступать к земляным работам. При прорытии русла водоема рабочие сталкивались с целыми залежами крупных валунов, оставшихся в земле от ледниковых периодов. Строителям пришлось также вручную выкорчевывать огромные пни многолетних деревьев.

В период царствования императрицы Екатерины II бывшая извилистая, заросшая илом речка Кривуша была наконец расчищена, расширена, углублена и превращена в судоходный Екатерининский канал. Работами по его прокладке непосредственно руководили талантливые инженеры-строители И.М. Голенищев-Кутузов, Ф.В. Бауэр и И.Н. Борисов. Берега канала к 1790 году облицевали естественным тесаным камнем, установили красивые чугунные решетки ограждения, изготовленные специально для Екатерининского канала в виде отдельных секций и чугунных овальных балясин с широкими железными перилами, вставленными между двух массивных гранитных тумб довольно сложного

профиля. Для некоторых заградительных секций предусмотрели металлические створки, предназначавшиеся для удобства разгрузки дров и стройматериалов с барж на набережную, а также для сброса в канал снега зимой. Вдоль всех стенок канала строители вмонтировали массивные причальные кольца. На свайном основании соорудили высокие стенки из тесаных гранитных блоков, лестничные каменные спуски и грузовые съезды к воде.

Позже, при последующем обустройстве гранитных набережных, против ворот домовых участков, ближе к среднему уровню воды, проделали квадратные отверстия, по которым канализационные воды стекали в канал. Подобное «техническое новшество» стало впоследствии причиной загрязнения водоема и его зловония в летнюю жару. К чести современных каналостроителей следует отметить, что они в середине XX века исправили ошибку своих предшественников. В настоящее время на протяжении всего русла канала сооружен изолированный коллектор – сборщик загрязненных стоков и канализационных вод.

Очевидцы открытия нового Екатерининского канала смогли воочию убедиться в правильности идеи его строительства. С его пуском огромную территорию Санкт-Петербурга, несмотря на ее низменное положение и значительную заболоченность, довольно быстро осушили и заселили. Район города, где проходит канал, стал меньше страдать от затопления в период сезонных наводнений. Канал превратил-

ся в удобную и сравнительно дешевую водную магистраль. По нему стали подвозить дрова и строительные материалы. Первое время, до его загрязнения, канал являлся прекрасным источником питьевой воды. Он также стал мощным пожарным водоемом города. В старые времена в каждой подворотне дома на набережной канала в обязательном порядке висели пожарные ведра, багры и лестницы на случай пожаров, происходивших в те далекие годы довольно часто.

Судьба Екатерининского канала неотделима от его окружения, исторических событий и судеб жителей Санкт-Петербурга. Над ним неоднократно сгушались грозные тучи. В 1869 году органы городского самоуправления разработали проект засыпки канала с устройством на его месте проспекта имени императора Александра II.

Хорошо сделали, что не засыпали. Сейчас ухоженный Екатерининский канал, со своей набережной, красивыми мостами, старыми домами и особняками, тесно обступившими его, являет собой трогательный мир сохранившегося нам в подарок старого города. Он хорош в любое время года, в любую погоду. Его былая красота, заброшенная в наш суматошный век из времени, ушедшего в Лету, прекрасна петербургской осенью, когда канал, подсвеченный утренними туманами, багрянцем листопада, медленно несет свои воды, и величественные старинные здания зеркально отражаются в нем. Он прекрасен и ранней зимой, с седой изморозью на ветвях старых деревьев на набережной, окутанный первыми

хлопьями снега, когда под белым пушистым покрывом, погасив огни, дремлют величественные особняки и громады доходных домов.

Долгое время Коломна оставалась заштатным городским районом и одновременно уникальным центром столичной культуры, местом, куда прятались от суетной жизни Северной столицы люди искусства и культуры. Здесь в XVIII–XIX веках также вели вялую, неторопливую жизнь люди среднего достатка и достоинства. Это о Коломне Н.В. Гоголь писал: «Тут все не похоже на другие части Петербурга. Тут не столица и не провинция; кажется, слышишь, пройдя коломенские улицы, как оставляют тебя всякие молодые желания и порывы. Сюда не заходит будущее, здесь все тишина и отставка: все, что осело от столичного движения. Сюда переезжают на жилье отставные чиновники... Квартиру можно сыскать здесь за 5 рублей в месяц, даже с кофеем поутру...».

Трогательную атмосферу старой Коломны до сих пор сохраняют старинные двухэтажные особнячки с обязательным треугольным завершением фасада здания, ажурной балконной решеткой и четко прорисованными горизонтальными выступами стенных карнизов. Они и сегодня полны величия и достоинства в компании с современными безликими жилыми домами.

Многочисленные мосты и мостики, старинные фонари, затейливые кружева чугунных оград и решеток добавляют очарования этому заповедному месту города.

Площадь у Старо-Калинкина моста.
Литография Ф.-В. Перро. Около 1840 г.

А.С. Пушкин первым воспел Коломну. 11 июня 1817 года, окончив лицей, он поселился у родителей, снимавших квартиру в доме члена Адмиралтейств-коллегии, адмирала Алексея Федотовича Клокачева, на набережной реки Фонтанки в доме № 185, рядом с Калинкиным мостом. Неширокие улицы с низенькими деревянными домами, церковью, пожарной каланчой и вылинявшими под дождем и ветром полосатыми полицейскими будками придавали тогда Коломне вид го-

родской окраины. Фонтанка, с облицованными гранитом берегами, окаймленная кружевами чугунных решеток, несла свои воды в Балтийское море. Двухэтажный на полуподвале дом вице-адмирала А.Ф. Клокачева, лишенный всяких украшений, кроме фигурных оконных наличников, сдавался чиновникам и обедневшим дворянам, к числу которых принадлежала семья поэта. В первом этаже снимали квартиру родители его одноклассника – лицеиста Модиньки Корфа.

Старо-Калинкин мост. Фото 1989 г.

Квартира Пушкиных располагалась во втором этаже и состояла из семи больших комнат, три из которых (парадные) выходилидесятью окнами на Фонтанку. Старо-Калинкин мост с квадратными гранитными башнями и массивными чугунными цепями был достопримечательностью

этого участка Фонтанки. Путники, въезжавшие в город по Петергофскому тракту, пересекали мост и далее, мимо верстового мраморного столба с солнечными часами и цифрой 26 (расстояние от Петергофа до Фонтанки), попадали на Калининскую площадь, разбитую в XVIII веке архитектором А.В. Квасовым.

Пушкин подолгу бродил по улицам Коломны, смешивался с толпой горожан и невольно запоминал ее неповторимый быт и нравы. Дом Клокачева относился к приходу Покровско-Коломенской церкви, расположенной на Покровской площади. Церковь, названную «Во имя Покрова Пресвятыя Богородицы» освятили 30 сентября 1812 года.

Каменную церковь по проекту архитектора И.Е. Старова строили на пожертвования прихожан с 1798 по 1812 год. При реконструкции храма в 1849 году предусмотрели строительство боковых пристроек для размещения в них придельных алтарей. Храм вновь освятили в 1852 году.

После следующей перестройки храма, в 1899–1902 годах, все его приделы стали одинаковыми. Чертежи первоначальной Покровской церкви после Высочайшего утверждения подписал петербургский обер-полицмейстер Н.Ф. Муравьев, а «План» и «Фасад» пристроек завизировал генерал-адъютант П.А. Клейнмихель.

Церковь Покрова в Большой Коломне.
Фото Н.Г. Матвеева. 1900-е гг.

В церкви обустроили три престола: главный – во имя Покрова Пресвятой Богородицы освящен 30 сентября 1812 года; правый – во имя собора святого Иоанна Крестителя – 1 ноября 1808 года; левый – во имя святой равноапостольной Марии Магдалины – 20 ноября 1808 года. В иконостасе – образа работы академиков братьев Малковых. Главной святыней храма являлся чудотворный образ святителя Николая.

В 1814–1816 годах по проекту архитектора В.П. Стасова церковь обнесли железной оградой с двумя часовнями.

При церкви имелось три каменных дома. Причт состоял из трех священников, дьякона и трех псаломщиков. Они не

получали жалованья и существовали только на доходы от совершения приходских треб и пожертвований прихожан.

17 мая 1871 года при храме открыли Общество вспоможения бедным прихода церкви Покрова Пресвятой Богородицы, действовавшее на основании устава, утвержденного Министерством внутренних дел. Общество оказывало помощь бедным, выдавало постоянные и единовременные денежные пособия, а также содержало двухклассную церковно-приходскую школу. В 1872 году общество открыло богадельню для престарелых женщин, в 1874 году – приют для девочек, а в 1879-м – приют для мальчиков. В 1892 году при храме обустроили столовую для бедных, живущих в приходе. В 1897 году на станции Сиверская построили санаторий для бедных детей прихода Покровской церкви.

Построенный на взносы прихожан храм в 1936 году безжалостно разрушили их потомки, переименовавшие Покровскую площадь, наделив ее именем русского писателя И.С. Тургенева. Заметим, что знаменитый русский писатель здесь никогда не жил и даже не бывал.

В 2000 году, в день рождения Санкт-Петербурга, на месте алтаря Покровской церкви, безжалостно разрушенной в 1936 году, торжественно открыли памятный обелиск. На его сторонах начертаны пушкинские строки о Коломне, мозаичное изображение храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы и скупые слова молитвы.

При предварительных археологических раскопках на

участке, где раньше находилась церковь, обнаружили сохранившуюся мощенную камнем дорожку вокруг храма, фрагменты старых печных изразцов, печную дверцу из чугуна с изображением на ней креста. Здесь же нашли старую копеечную монету, отчеканенную в год закладки разрушенного храма на Покровской площади столицы.

Археологи при раскопках нашли также перстень-печатку из белого металла с изображением бычьей головы и надписью на нем: «Сей перстень Дмитрия Шатина». Оказалось, что купец Шатин был хозяином салотопни, расположенной в устье реки Фонтанки. Он поставлял сало для стапелей судостроительной верфи и в Покровскую церковь.

Базар на Покровской площади в Большой Коломне.
Фото Н.С. Волкова. 1900-е гг.

В Покровской церкви, своей ровеснице, бывал А.С. Пушкин, слушал проповеди и церковные богослужения, наблюдал за прихожанами. Впечатления от увиденного позже легли в основу его лирической поэмы «Домик в Коломне», где:

...Жила-была старушка
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

Рассказывая в торжественных тонах простую, незатейливую историю любви Параши, жившей в скромном деревянном домишке со своей матерью-вдовой, поэт включил в поэму и «церковный эпизод»:

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево.

Русское богослужение запомнилось Пушкину не пышным церковным обрядом в придворной церкви Екатерининского дворца, не торжественными молебнами в златоглавом Николе Морском, а впечатлениями от посещения небольшой Покровской церкви:

Я живу теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову – и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

Живя в доме А.Ф. Клокачева, Пушкин много и плодотворно работал. Здесь он закончил свою поэму «Руслан и Людмила», написал стихотворения «Деревня», «Вольность», «Сказки», «К Н.Я. Плюсковой».

Сюда, на Фонтанку, принес Пушкин портрет-литографию своего наставника, В.А. Жуковского, с дарственной надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя, в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму „Руслан и Людмила“. 1820. Марта 26. Великая Пятница». Отсюда, из Коломны, молодой, веселый поэт спешил на званные балы и рауты в особняки аристократических районов Петербурга. Возвращаясь ночью, он проезжал мимо

Каменного театра, аркад Никольского рынка, Крюкова канала с тускло блиставшим в лунном свете шпилем колокольни Никольского собора. Только всплеск воды под веслами запоздалых лодок да гром цепей подъемных мостов нарушали изредка сонный покой «в пустых коломенских краях». Из этих краев, вызвав гнев императора Александра I, за вольнолюбивые стихотворения А.С. Пушкин 6 мая 1820 года отбыл в свою первую ссылку, в Екатеринослав. Резвые лошади вынесли коляску с опальным поэтом на Царскосельский

тракт – дорогу, резко переменившую его дальнейшую судьбу. Долго еще картины патриархальной Коломны будили в памяти Пушкина образы юности, молодых и веселых друзей, оставшихся в столице.

Позже в той самой квартире, где до своей первой ссылки на юг жил юный Пушкин, в доме среди лавчонок, маленьких деревянных домишек с обязательными мезонинами поселился, отставленный Николаем I от больших работ, создатель многочисленных монументальных ампирных ансамблей в Петербурге, архитектор Карл Росси. Старый, больной и вдобавок разоренный, он доживал свои дни в квартире, где великий поэт России начинал свою творческую жизнь.

В Коломне, в угловом доходном доме № 9/31 купца Брагина, расположенном на пересечении Екатерингофского проспекта и набережной Крюкова канала, жил известный русский поэт Василий Андреевич Жуковский. В его квартире проходили традиционные литературные вечера – «поэтические субботники». В гости к Жуковскому приходили молодые поэты и литераторы столицы – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Алексей Кольцов, Вильгельм Кюхельбекер и многие другие любители русской словесности. Сюда же часто заходили и солидные заслуженные приятели В.А. Жуковского: прославленный полководец и герой Отечественной войны 1812 года генерал Николай Николаевич Раевский, знаменитый историк Николай Михайлович Карамзин с женой Екатериной Михайловной, баснописец Иван Андреевич Крылов.

Гостями дома В.А. Жуковского чаще всего бывали те, о ком любимец Василия Андреевича Саша Пушкин писал:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел
Восторгом пламенным и ясным.

Вдоль набережной Крюкова канала, по самой границе с Коломной, во времена В.А. Жуковского проходила Никольская улица, ныне переименованная в улицу М.И. Глинки – основоположника русской классической музыки. На Театральной площади, которую пересекает эта коломенская улица, на высоком пьедестале возвышается бронзовая фигура знаменитого музыканта. Здесь, на сцене Большого (Каменного) театра, в 1836 и 1842 годах состоялись премьеры знаменитых опер М.И. Глинки «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила», положивших начало расцвету русского классического оперного искусства.

Ранее на Никольской улице проживал родственник Михаила Ивановича, декабрист Федор Глинка, участник Отечественной войны 1812 года, адъютант генерала М.А. Милорадовича. Федор Николаевич был поэтом и писателем. До наших дней дошли его стихотворения, переложенные на музыку: «Тройка», «Не слышно шума городского, в заневских

башнях тишина» («Песнь узника») и многие другие замечательные стихи. Огромной популярностью у соотечественников литератора пользовались его военные мемуары – «Письма русского офицера», «Очерки Бородинского сражения». Последним произведением Ф.Н. Глинки зачитывался Л.Н. Толстой в период работы над историческим романом «Война и мир».

Серьезный монументальный труд полковника Глинки «Письма русского офицера» включает серию аналитических размышлений писателя о русской истории, о роли и состоянии коренного национального духа, не затронутого «наносными пороками», об отечественной культуре, «о природной способности русских к приятным искусствам». Родственник М.И. Глинки являлся горячим поклонником русской музыки, «долженствующей», по его твердому убеждению, «стать отражением музыки народной».

Музыковеды полагают, что идеи Федора Николаевича не могли не повлиять на формирование гражданской позиции и взглядов великого русского композитора М.И. Глинки. Как подтверждение этого влияния гражданского кредо полковника Ф.И. Глинки 27 ноября 1836 года состоялась премьера первой русской оперы композитора – «Жизнь за царя».

М.И. Глинка жил в Коломне с 1824 по 1825 год. Сначала он снимал квартиру на Торговой улице, в доме № 8, а лето 1824 года и конец лета 1825-го проживал в Коломне в доме купца Фалеева на Канонерской улице в доме № 2. Именно в

этот период жизни Михаила Ивановича произошло событие, оставившее печальный след в его душе, заслонившее собой неурядицы на службе и неприятности в семье, – композитор влюбился.

Композитор М.И. Глинка.

Портрет работы К.П. Брюллова. 1840 г.(?)

Все началось в Смольном институте, в котором тогда работал его шурин – муж сестры Марии Ивановны – Дмитрий Степанович Стунеев. Супруги жили в Смольном, и у них нередко бывали музыкальные вечера. Приходила молодежь, воспитательницы и даже пансионерки старших классов. Слушали музыку, танцевали и веселились. На одном из вечеров сестра М.И. Глинки познакомила его с одной из классных дам института. Юную «даму» звали Катенька, Екатерина Ермаолаевна Керн; мать ее, Анна Петровна, была давнишней приятельницей композитора.

Жизнь Катеньки Керн сложилась нелегко. К этому времени ее родители давно расстались, устроив дочь на казенное воспитание в Смольный институт, получив на то особое разрешение императрицы. Родители продолжали ссориться. Отец судился с матерью, требовавшей от него средств к существованию. Поэтому стремившаяся к самостоятельности Катенька Керн, окончив в 1836 году Смольный институт с отличием, осталась в нем работать в должности классной дамы. Глинка сразу же влюбился в нее. Позже он вспоминал: «...мой взор невольно остановился на ней: ее ясные выразительные глаза, необыкновенно стройный стан. и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей ее особе, все более и более меня привлекали».

Михаил Иванович обнаружил в девушке незаурядный ум, образованность, душевную тонкость. Она знала и любила музыку. Как все это не походило на его домашних.

Встречаясь у сестры с Катенькой, композитор все более и более привязывался к ней. В своих воспоминаниях он признавался: «Вскоре чувства мои были вполне разделены милою Е. К., и свидания с ней становились отраднее. Мне гадко было у себя дома, зато сколько жизни и наслаждений с другой стороны; пламенные поэтические чувства к Е. К., которые она вполне понимала и разделяла, широкое приволье между доброй, милой и талантливой братией».

Об этом периоде своей жизни Глинка скажет: «Все в жизни контрапункт, то есть противоположность», придав термину «контрапункт» образный смысл.

Охватившее композитора чувство к Екатерине Керн радовало его, отвлекая от распрей в собственной семье, мир и любовь в которой необратимо нарушились.

В 1839 году Глинка создал одно из самых поэтических своих произведений – «Вальс-фантазию», официально посвященный Дмитрию Степановичу Стунееву, в доме которого он встретил Катеньку Керн. На самом же деле этот изумительный вальс Михаил Иванович посвятил предмету своей любви. В своих «Записках» Глинка признается в этом, считая, что открытое посвящение могло скомпрометировать Екатерину Керн.

Исполненный впервые летом 1839 года в концертном зале

Павловского вокзала, «Вальс-фантазия» покорила и завоорожил слушателей. Нестор Кукольник тогда писал в «Северной пчеле»: «Мы не забудем встречи публики, вальс обширный и трудный был повторен по ее требованию; не забудем и самого исполнения, мастерского соединения чувства нежности с порывами сильных бурных ощущений; и всякий раз приятно слышать, когда у палатки г. Германа толпятся любители и просят сыграть вальс Глинки».

Композитор продолжал встречаться с Екатериной Керн, был счастлив и в то же время несчастлив. Светлое чувство к Катеньке вносило и определенную горечь в их отношения. Глинка не мог соединиться с любимой женщиной навсегда – его связывал ненавистный и несчастный брак с порочной женщиной, постоянно изменявшей ему и погрязшей в своих многочисленных романах. И все же он уходит из семьи и разрывает отношения с женой, чем навлекает на себя поток невообразимых сплетен и пасквилей.

Подавленное состояние Глинки усугубляется полученным известием о тяжелой болезни Екатерины Керн, у нее врачи подозревали чахотку. Однако она выздоровела, и встречи Михаила Ивановича с ней возобновились.

Именно тогда Глинка написал замечательный романс на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье.»; стихотворение великого поэта выражало в тот момент то, что пережил сам композитор в период своей возвышенной любви к Катеньке Керн, ей он посвятил это эпохальное произведение –

пример высокого слияния музыки и слов. Действительно, у каждого, кто читает стихотворение Пушкина, посвященное матери – Анне Керн, в памяти начинает звучать изумительная мелодия Глинки, подаренная дочери – Екатерине Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты...

В 1841–1842 годах Глинка погряз в судебных разбирательствах по поводу развода со своей неверной женой Марией Петровной. Это было время, когда он непрерывно подвергался оскорблениям и унижениям. Он чувствовал глубокое душевное опустошение и одиночество, уезжал из столицы и постоянно уединялся. Именно в этот трагический период жизни Михаила Ивановича произошел перелом в его отношениях с Екатериной Керн, еще надеявшейся связать с ним свою жизнь. Тяжелейший бракоразводный процесс до такой степени измотал и потряс Глинку, что его чувство к предмету своей чистой и глубокой любви угасло. Они продолжали еще встречаться у нее дома и у общих знакомых, но,

по признанию Михаила Ивановича, не было уже «прежней поэзии и прежнего увлечения». Любовь перешла в обыкновенную спокойную дружбу. Екатерина Ермолаевна через всю жизнь пронесла чувство к Глинке, продолжая любить его до самой своей смерти. По настоянию родственников в 34-летнем возрасте она вышла замуж за адвоката Михаила Осиповича Шокальского.

Их сын от этого брака, Юлий Михайлович Шокальский, выпускник Морского кадетского корпуса, стал со временем академиком, знаменитым океанографом, картографом, президентом Географического общества СССР и руководителем комплексной экспедиции в Черном море. Он жил в Коломне, в доме № 27 по Английскому проспекту. Кстати, именно Юлий Михайлович являлся одним из тех, кто с фактами в руках опровергал бытовавшую в конце XIX века легенду о том, что похоронная процессия с телом Анны Керн встретилась с повозкой с памятником А.С. Пушкину, который тогда перевозили в Москву. На самом деле, будучи уже совсем старой и больной, она лишь слышала, как мимо ее дома провозили гранитную глыбу для постамента памятнику А.С. Пушкину, и до самой смерти интересовалась ходом сооружения монумента великому русскому поэту в Москве.

Коломна стала последним пристанищем великого русского военачальника, генералиссимуса А.В. Суворова.

А.В. Суворов.

Портрет работы гравера Н.И. Уткина с оригинала И.Г. Шмидта. 1818 г.

С 1780 по 1800 год Александр Васильевич не раз останавливался на набережной Крюкова канала в доме вдовы полковника Фомина, на втором этаже довольно непрезентабельного особняка, в квартире своего племянника графа Д.И. Хвостова (дом № 23). Это последний адрес полководца. Суворов умер в опале, в бесчестии, в великой немилости у императора Павла I. Глубоко оскорбленный русский воин серьезно заболевает, и 6 мая 1800 года полководец-легенда умирает. Несметные толпы народа ринулись тогда в Колонну, заполнив набережную Крюкова канала и ближайшие улицы. Все хотели проститься с человеком, стоявшим у истоков организации непобедимой регулярной русской армии.

С Суворовым не пришел проститься лишь император Павел I, заведший прусские порядки в войсках. За три года своих «радикальных военных реформ» император уволил из рядов российской армии семь фельдмаршалов, триста тридцать три генерала и две тысячи двести шестьдесят офицеров.

Гаврила Романович Державин, прощаясь с Александром Васильевичем Суворовым, огласил свое стихотворение «Снегирь»:

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый снегирь?

С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь с нами? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы во гробе лежат.

Накануне трагического декабрьского восстания 14 декабря 1825 года Коломна приютила активных участников неудавшегося государственного переворота. В декабре начались аресты и допросы. На Екатерингофском проспекте, в доме № 55, арестовали группу морских офицеров. Молодые выпускники Морского кадетского корпуса, флотская молодежь братья А. и П. Беляевы, М. Бодиско, Д. Завалишин, В. Дивов, А. Арбузов, А. Мусин-Пушкин, М. Кюхельбекер приняли активное участие в декабрьском восстании. 14 ноября офицеры Н. Бестужев и А. Арбузов вывели на Сенатскую площадь Морской гвардейский экипаж, располагавшийся, кстати, также в Коломне, на Екатерингофском проспекте в доме № 20.

Мичман Гвардейского экипажа Александр Беляев с братом и другом, мичманом В. Дивовым, жили неподалеку от казарм Морского гвардейского экипажа, в доме № 55.

В Коломне снимал квартиру и молодой кавалергард, декабрист Михаил Лунин, а на Торговой улице, в доходном доме некой Погодиной (дом № 5), поселились друзья Александр Иванович Одоевский и Александр Сергеевич Грибоедов. Кавалергард не был активным декабристом. Следуя правилам корпоративной чести, он решил выйти на Сенат-

скую площадь вместе со своими друзьями и сослуживцами по полку. Он командовал стрелковой цепью перед мятежным каре.

После разгрома восставших Одоевского арестовали и приговорили к двенадцати годам каторги. Друзья вспоминали: «Умный, благородный, кроткий, он дал подробные признательные показания об участниках тайного общества на первом же допросе, однако товарищи по ссылке простили ему его нетвердость и никогда не упрекали за слабость на допросах».

На каторге Одоевский написал большое количество стихов и главное из них – его знаменитый ответ на послание А.С. Пушкина «В Сибирь»:

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли.
К мечам рванулись наши руки
И лишь оковы обрели.

Но будь спокоен, бодр: цепями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы!
Она нагрянет на царей —
И радостно вздохнут народы!

Некоторое время в Коломне проживал Николай Гаврилович Чернышевский. С этим заповедным районом Петербурга революционера-демократа, писателя и литературного критика связывали довольно печальные события, определившие его дальнейшую судьбу. На формирование революционных воззрений молодого Чернышевского оказало влияние посещение им кружка М.В. Буташевича-Петрашевского. С идеями руководителя кружка Николай Гаврилович познакомился при беседах со своими университетскими товарищами.

Петрашевцы, входящие в общество разночинной молодежи, являлись сторонниками учений французского социалиста-утописта Шарля Фурье, подвергавшего критике буржуазный строй («цивилизацию») и разработавшего план будущего общества — строя «гармоний», в котором обязаны развернуться все человеческие способности. Фурье уже тогда высказал гениальные догадки о коммунистическом обществе (труд как потребность и наслаждение, уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом и т. д.), однако вместе с тем он не исключал возможности сохранения частной собственности, классов и даже нетрудово-

го дохода. Автор новой революционной теории считал возможным утвердить справедливое общество путем мирной пропаганды социалистических идей.

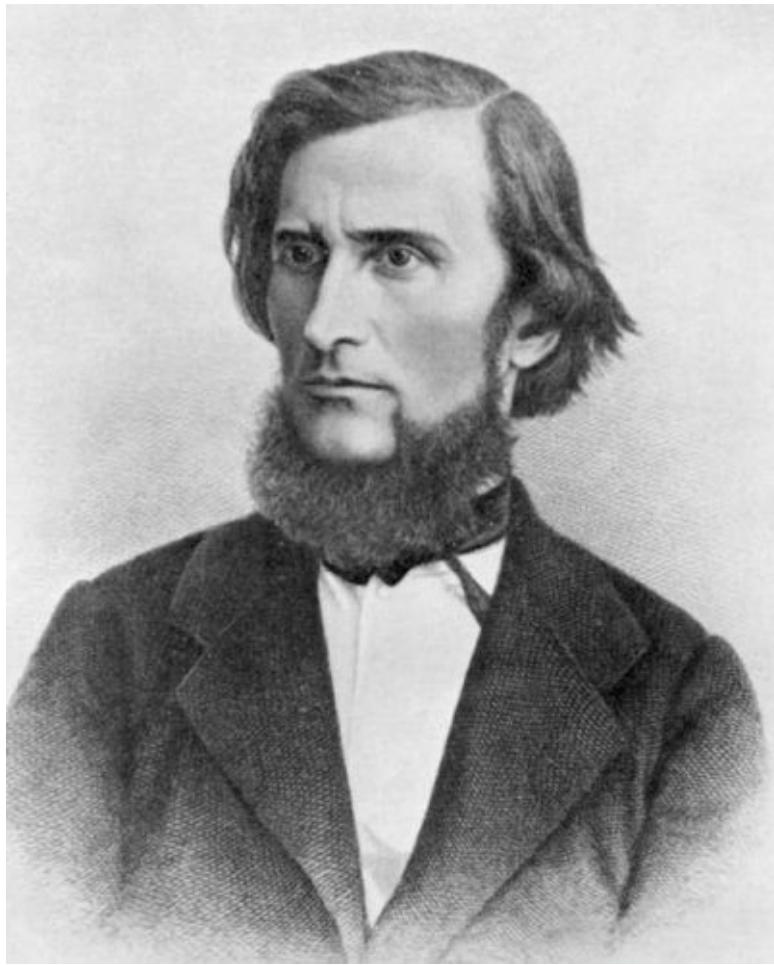
Собрания кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, чиновника Министерства иностранных дел, проходили под названием «общедоступных пятниц» на квартире руководителя революционного сообщества в Коломне, неподалеку от церкви Покрова Богородицы. В кружок входили писатели Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, поэт А.Н. Плещеев. В Коломне на очередных заседаниях кружка Петрашевского Чернышевский познакомился с Н.А. Некрасовым, Н.А. Добролюбовым, Н.В. Успенским.

Здесь же, в Коломне, на квартире М.В. Петрашевского, 23 апреля 1849 года членов политического кружка и их руководителя арестовала полиция. Под следствием оказались 123 человека. Военному суду предали 22 участника кружка. Двадцать одного из них, в том числе Н.Г. Чернышевского и Ф.М. Достоевского, признали виновными и приговорили к расстрелу.

Церемония казни состоялась 22 декабря 1849 года, в 8 часов утра, на Семеновском плацу. Спектакль расстрела разыграли четко. Приговоренным одели на головы черные колпаки, привязали их к врытым в землю столбам и даже дали солдатам команду прицелиться. Лишь в последнюю минуту огласили приказ о приостановлении казни и зачитали документ «Об отмене смертной казни расстрелянием» и замене

ее на разные сроки каторги и ссылки.

Свидетелем казни петрашевцев довелось стать будущему знаменитому русскому педагогу Константину Дмитриевичу Ушинскому, тогда чиновнику 10-го класса, коллежскому секретарю, служащему департамента Министерства внутренних дел. Министром же внутренних дел в те годы являлся граф Лев Алексеевич Перовский, отец будущей террористки Софьи Перовской, главного организатора и непосредственной участницы покушения на императора Александра II.

К.Д. Ушинский.

Гравюра с фотографии 1868 г.

Жизнь и деятельность К.Д. Ушинского тоже связана с Коломной. Он уходит из департамента внутренних дел и посвящает себя журналистике. До получения места преподавателя Гатчинского сиротского института Константин Дмитриевич жил в Коломне, на набережной Екатерининского канала, в доме № 166. Со временем авторитет Ушинского-педагога выводит его в число наиболее знаменитых преподавателей России. Педагог-демократ, основоположник научной педагогики в стране, он разработал оригинальную педагогическую систему. В основе ее лежал и комплекс обязательных требований демократизации народного образования, идея народности воспитания, протест против деспотизма, признание деятельности сущности человека, труда как фактора жизни и воспитания. В дидактике (разделе педагогики, излагающем теорию образования и обучения) Ушинский утвердил идею воспитывающего обучения, разработал принципы отбора содержания учебного материала и методы обучения применительно к особенностям умственного развития ребенка. Его педагогические взгляды отражены в книгах для первоначального классного чтения «Детский мир» и «Родное слово».

Великий педагог-новатор, популярный детский писатель К.Д. Ушинский являлся искренним патриотом России. «Отечеством мы зовем Россию потому, что в ней испокон веку жили отцы и деды наши, – писал он, обращаясь к де-

тям, – Родиной мы зовем ее потому, что в ней мы родились, в ней говорят родным нам языком, и все в ней для нас родное, а мать – потому, что она вскормила нас хлебом, вспоила своими водами, выучила своему языку, как мать, защищает и бережет нас от всяких врагов, и когда мы уснем навеки, то она прикроет и наши кости.

Много есть на свете и кроме России всяких хороших государств и земель, но одна у человека родная мать – одна у него и родина.»

В 1810-е годы в Коломне, на Канонерской улице, жили родители Петра Ильича Чайковского. Их квартира 24 располагалась в доме № 7 на углу Канонерской и Могилевской улиц (Могилевская – ныне Лермонтовский проспект). Здесь жил и Петр Ильич, с волнением и надеждой ожидая решения судьбы своей оперы «Опричник».

Многие из известных столичных художников жили и работали в Коломне. В ней находился родовой дом организатора нового творческого объединения «Мир искусства»

А.Н. Бенуа. В доме жил его отец, зодчий Н.Л. Бенуа, его родные и двоюродные братья – художник Альберт Бенуа, архитектор Леонтий Бенуа, живописцы и графики Евгений Лансере и Зинаида Серебрякова. На стенах комнат в доме Бенуа гости всегда могли увидеть их новые работы, в том числе и уголки любимой Коломны.

На набережной Екатерининского канала жил приятель А.Н. Бенуа, художник К.А. Сомов, и его отец А.И. Сомов –

хранитель коллекций Эрмитажа.

В Коломне, в Дровяном переулке, снимал квартиру другой «мирискусник» – художник М.В. Добужинский, а на Мясной улице поселился ученик И.Е. Репина, талантливый живописец и большой мастер Б.М. Кустодиев. Однако самой выдающейся коломенской знаменитостью считался тогда Илья Ефимович Репин, проживший в Коломне двадцать лет. В своей мастерской на набережной Екатерининского канала, в доме № 135, один из лидеров Товарищества передвижных художественных выставок, он написал картины «Крестный ход в Курской губернии», «Не ждали», «Иван Грозный и сын его Иван», «Арест пропагандиста», «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», «Отказ от исповеди» и многие другие знаменитые полотна. Пожалуй, годы жизни художника И.Е. Репина в Коломне стали периодом расцвета его таланта.

Сохранившийся до наших дней угловой пятиэтажный дом № 135, обращенный фасадом в одиннадцать осей на Екатерининский канал, а частью фасада в семь осей – на бывшую Калинкинскую, а ныне площадь Репина, декорирован довольно бедно. Облик его подчеркнуто строг. Скупая отделка фасадов с ровным рядом окон включает рустовку первого этажа с замковыми камнями над окнами. Второй этаж этого знаменитого коломенского дома украшен сандриками и незамысловатой лепниной. Третий этаж здания совсем лишен какого-либо декора. Окна четвертого этажа слегка за-

круглены и украшены наличниками. Пятый этаж являлся мансардным. Он довольно высок и отделан железом.

В сентябре 1882 года И.Е. Репин с женой и детьми возвратился из Москвы в Петербург и снял квартиру на втором этаже дома № 135, расположенного в Коломне на правом берегу Екатерининского канала. По приезде в столицу он написал своему другу, художнику В.Д. Поленову: «Да, брат, никогда еще Петербург мне так не нравился, как теперь!»

По настоятельной просьбе художника дом надстроили дополнительным этажом, после чего Репин со своим семейством переселился в более просторную семикомнатную квартиру на четвертом этаже. Над ней оборудовали помещение для мастерской художника. Непосредственно из квартиры Ильи Ефимовича в нее вела внутренняя деревянная лестница.

Супруга художника, Вера Алексеевна, взяла на себя хозяйство, почти все хлопоты по дому и воспитанию детей. Ее добрые руки наводили образцовый порядок в доме, она благотворно влияла на характер Репина, смягчала его раздражительность и вспыльчивость. Ее любили и уважали все, кто бывал у них в доме на Екатерининском канале.

Знаток Коломны А.Ю. Иванов, посетивший в конце 80-х годов XX века дом купца Григорьева, в котором некогда жила семья художника И.Е. Репина, стал свидетелем довольно неприглядной и безобразной картины: «Квартира, где жил Илья Ефимович, превращена в коммуналку, доведена до ни-

щенского состояния, мансарда проржавела. Грустно и жутковато было мне смотреть в последние годы на репинские места в Коломне. В 1989 году началась реставрация, которая свелась к тому, что все внутри здания было разрушено, мансарда снята, вместо нее надстроили новый этаж. От времен Репина, от его памяти здесь теперь не осталось ничего. Видимо, гниль душевная, поразившая всю нашу нацию, особенно в минувшие десятилетия, когда ушли из жизни последние носители петербургской культуры, развилась до самых глубин русской души.».

Когда-то в этой части Коломны у Репина, у певицы Павловской, у купца Степана Акимовича Серебрякова, а также у баронессы Варвары Ивановны Икскуль фон Гильдер-брандт, урожденной Лутовиновой, знаменитой «герцогини д'Аларкон», встречались передовые писатели, поэты, художники и артисты.

Эта женщина, жена русского посла в Италии, являлась страстным коллекционером. Она собирала произведения искусства, слыла опытным экспертом и знатоком всяческого раритета. Репин в подарок Варваре Ивановне написал портрет «красной баронессы» – даму в красной блузе и черной юбке. Баронесса опекала начинающих писателей, музыкантов и художников, помогала им в тяжелые минуты жизни, выручала из трудных ситуаций. В 1898 году арестовали Максима Горького. Под ее поручительство писателя выпустили из тюрьмы под надзор полиции.

В книге «Далекое близкое» И.Е. Репин вспоминал о знаменитых «четвергах» и ассамблеях у Аларчина моста: «В ее Салоне бывали юрист А.Ф. Кони и адвокат Андреевский, известный тем, что отказался быть обвинителем Веры Засулич. Гостями баронессы являлись писатели В.Г. Короленко, Д.С. Мережковский, поэт Н.М. Минский, историк В.С. Соловьев.

Кого только не встречал я там! И часто людей самых противоположных полюсов. И студентов, и курсисток – и все они так бывали довольны, особенно очаровательною хозяйкою! Вот здесь все было Соловьеву к лицу. Владимир Сергеевич утопал в мягких персидских и европейских коврах, венецианских креслах дождей, бархатных драпировках неизъяснимых цветов, широкими складками спускавшихся с высоты, облекая собою гениальные создания Ренессанса. Резные рамы старой Италии с постаревшим золотом, майолики Луки и Андрея делла Робия, испанские блюда эпохи морисков и великое множество иных художественных ценностей.».

Знаменитые артисты, музыканты и композиторы, художники, писатели и поэты во все времена чувствовали необыкновенную притягательную прелесть коломенских мест. Они с удовольствием переезжали сюда на жилье. К концу XIX века Коломна стала настолько респектабельным районом, что на ее территории появились даже величественные дворцы великих князей – членов императорской фамилии.

В Коломне начался окутанный легендами и домыслами роман знаменитой балерины Мариинского театра Матильды

Кшесинской с молодым наследником российского престола Николаем Александровичем Романовым, подарившим предмету своей любви особняк на Английском проспекте, расположенный в непосредственной близости от великокняжеских коломенских дворцов.

Примерно в те же годы, иной, правда, менее сиятельный балетоман, влюбленный в другую талантливую танцовщицу Императорского Мариинского театра, нарушив законы чести дворянина, приобрел для нее роскошную квартиру в элитном доме в Коломне и даже оборудовал там превосходный зал для танцевального класса. Здесь реформатор балетного искусства М.М. Фокин поставил бессмертный балетный номер «Умиравший лебедь» на музыку Сен-Санса. Исполнительницей этого знаменитого концертного номера стала танцовщица-легенда Анна Павлова. Ее воздыхатель Виктор Дандре потратил на обустройство квартиры своей пассии не только собственные средства, но и некоторую толику казенных денег. Его изобличили в казнокрадстве и судили по законам Российской империи.

Поэты, писатели, художники любили старую Коломну, селили сюда своих героев, с ее улицами и домами связывали сюжеты произведений. На каждом шагу здесь открывались удивительные места, рождались ассоциации с теми или иными литературными образами и событиями. Живший на Офицерской улице Н.В. Гоголь поселил в этом районе героя своей повести «Портрет» – таинственного ростовщика,

изображенного на картине, трагически изменявшей жизнь всех ее владельцев. Здесь же неподалеку, может быть даже на Покровской или Калининской площади, усатые злодеи сняли с бедного чиновника Акакия Акакиевича Башмачникова последнюю радость – новую шинель. А потом «по Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели.» Проходя мимо Покровской церкви, впечатлительные гимназистки пытались представить себе место, где стоял домик, в котором со старушкой-матерью жила пушкинская Параша.

По всей Коломне расселил своих героев Ф.М. Достоевский, живший в 1847–1849 годах неподалеку, на Вознесенском проспекте, в доме Шиля (№ 6/23). На Екатерининском канале происходит действие романа Достоевского «Преступление и наказание». На «канаву», как называли обыватели этот канал, выходили окна доходных домов, где жили Соня Мармеладова и старуха-процентщица. Рядом, в Столярном переулке, квартировал Родион Раскольников.

Действие повести «Белые ночи» также происходило на набережной Екатерининского канала, где Мечтатель встретил Незнакомку, смотревшую в мутные воды бывшей речки Кривуши. Здесь, над водами Екатерининского канала, в бледном сумраке летней ночи промелькнул перед глазами романиста

смутный силуэт Мечтателя, стремившегося настигнуть свое ускользающее счастье.

Глава 2

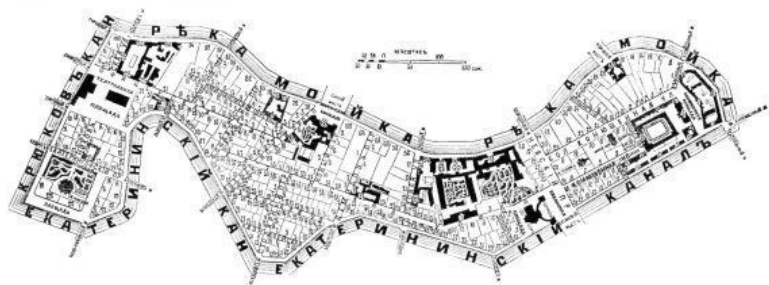
«Улица, улица... Тени беззвучно спешащих...»

Среди участков и кварталов, сохранивших своеобразный колорит Коломны, особо выделяется Офицерская улица – ровесница нашего города, вобравшая в себя многовековую историю Петербурга.

Расположенная до 1917 года в административных границах Казанской и Коломенской частей столицы, эта городская магистраль проходила от Банного моста на речке Пряжке, перерезала Английский проспект, пересекала Крюков канал по Офицерскому мосту, вливалась в Театральную площадь и заканчивалась у Вознесенского проспекта. Во все годы своего существования Офицерская улица считалась одной из лучших в пределах указанных городских частей Санкт-Петербурга.

По мере ее формирования, на протяжении более двух с половиной веков, улица неоднократно переименовывалась. Вначале, до середины XVIII века, эта городская магистраль разделялась на две части, именовавшиеся Приказной улицей (от угла Вознесенского проспекта и Столярного переулка до Прачешного переулка) и Морской улицей (от Прачешного переулка до реки Пряжки). Впоследствии она ста-

ла называться Малой Офицерской, а затем Большой Офицерской улицей. Лишь в середине XIX века, когда она была уже довольно застроена, за ней прочно закрепилось официальное название Офицерской. После революционных событий, в 1918 году, по решению Петросовета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Офицерскую была переименовали в улицу Декабристов.

План Казанской части Санкт-Петербурга. Фрагмент плана
Н. Цылова. 1849 г.

Полицейскаго управления:
 I участка—Усачевъ пер., д. 2.
 II » у Калинкина моста, здание
 Коломенской части.

План Коломенской части Санкт-Петербурга.

План Н. Цытова. 1849 г.

Стены ее старых особняков надежно хранят память о своих жильцах и исторических событиях, свидетелями которых им пришлось быть. Здания на Офицерской видели расцвет города и его разруху. В разное время, особенно после 1918 года, в городе и на улице безотказно действовал утилитарный принцип, его главный аргумент – волевое слово «надо!». По мнению и с согласия администрации района на участках старых изящных особняков XVIII–XIX столетий считалось вполне допустимым построить уродливый «Дом быта», пла-

вательный бассейн или стадион. Полагали, что это надо делать именно здесь, старинные дома и сооружения без колебаний уничтожались, несмотря на жалобы и активные протесты жителей. Творились эти злые дела как бы походя, без мысли о том, что безвозвратно уничтожается архитектурное наследие одной из старинных магистралей города.

Дома Офицерской улицы замерзали вместе со своими жильцами, особенно в периоды революционных потрясений и тяжелых дней блокады Ленинграда. Они горели и разрушались от немецких бомб и дальнобойных снарядов. За долгие годы улица обросла тайнами, легендами и многочисленными преданиями «старины глубокой», по эстафете человеческой памяти они передаются от одного поколения ее жителей другому.

Как уже упоминалось, в годы основания Северной столицы местность, по которой прокладывали Офицерскую, была заболочена, покрыта лесом и кустарником. Освоение ее началось в 1720-х годах, когда на плане города впервые отметили прямую трассу улицы, проложенной между постройками Шневенской и Кузнечной слобод (нынешними территориями Английского проспекта и реки Мойки).

Отведенные для служителей морского ведомства земельные участки осваивались медленно и весьма неохотно, прежде всего из-за низинного их положения и исключительной, даже для Петербурга, заболоченности этой местности. По словам Владимира Михневича, составителя справочни-

ка «Петербург весь на ладони», опубликованного в 1847 году, район Офицерской улицы при Петре Великом был предместьем города, «наполненным топями и болотами, так что в дурную погоду не было по нему ни проходу, ни проезда. Здесь была пустыня и глушь». Вдоль улицы постепенно возводились деревянные строения, между которыми долгое время оставались огромные пустыри, занятые огородами. В «Описании столичного города Санкт-Петербурга», относящегося к 1717–1720 годам, отмечается, что в это время на Офицерской улице строили, главным образом, «дома все деревянные, из положенных друг на друга бревен, которые внутри отесаны, но снаружи нет. Крыши покрыты тонкой еловой щепой или же досками (длиною 10–12 футов), уложенных друг около друга и закрепленных поперечными рейками. Кто хочет лучше защититься от дождя, укладывают под доски большие куски березовой коры. Другие покрывают крыши поверх щепы четырехугольными кусками дерна, пока он свеж, похоже, что на крыше зеленый луг, который все же достаточно сух». Лишь немногие жители этой улицы в первые годы существования города строили здесь «каркасные дома», крытые черепицей.

Страшные пожары в 1736 и 1737 годах не миновали и Офицерской улицы. В огне погибла почти вся ее первоначальная застройка. «Комиссии о Санкт-Петербургском строении» под руководством архитектора П.М. Еропкина, специально учрежденной, чтобы решать, «како быть строению,

как по улицам, так и во дворах... и учинить тому строению надобно особливой твердой план и чертеж, дабы всяк впредь по тому надежно строить и поступать мог», поручалось осмотреть во дворах деревянные строения и в случае тесноты и опасности распространения пожара назначить их «в сломку».

Один из членов комиссии – архитектор М. Г. Земцов разработал несколько вариантов типовых («образцовых») жилых одноэтажных строений «на погребях». Теперь, при отведении комиссией участка, владелец обязывался предоставить для утверждения детальный план здания и его фасада. После утверждения проекта будущий владелец дома давал подписку о том, что «на том месте оное наличное каменное строение строить со всякою крепостью и предосторожностью и погреба сделать со сводами и у тех погребов главные наружные двери железные, и у палат рундуки и лестницы каменные, и то строение закладывать и производить под присмотром и показанием архитектора Земцова, а сверх тех апробированных плана и фасада лишнего строения и на дворе служб... не строить под опасением штрафа». Подобные меры преследовали не только обеспечение противопожарной безопасности, но и способствовали «регулярству» нового здания. Российская императрица Елизавета Петровна, возведенная на престол гвардией в 1741 году, особым указом предписала впредь возводить только каменные дома, строго повелев Сенату «...между речками Мойкою и Фонтанкою

строить каменные строения, деревянному не быть!» Одновременно с этим она приказала у въезда в Коломну, на месте морского полкового двора, поставить пятиглавый собор с колокольней, назвав его Никольским, в честь св. Николая – покровителя всех рыбаков и мореходов.

Вскоре облик Офицерской улицы изменился. Деревянные хибарки уступили место каменным строениям, сначала двухэтажным, а впоследствии и громадам доходных домов, тянувших ввысь свои коммерческие этажи «под жильцов».

Построенные на отведенных участках в начале XIX века дома состоятельных горожан украшались пилястрами коринфского ордера с пышной капителью из ряда листьев аканфа и небольших волют. Окна второго этажа зданий имели наличники затейливого рисунка – отзвук отходившего в прошлое барокко. Затем на Офицерской улице интенсивно пошел процесс надстройки домов дополнительными этажами с одновременной основательной переделкой их фасадов. Пилястры превратились в лизены – примитивные плоские вертикальные выступы на стенах некогда нарядных жилых строений. Окна утратили барочные наличники.

Во второй половине XIX века Офицерскую улицу застроили полностью, и после частичной надстройки и перестройки более ранних зданий ее облик сформировался окончательно.

Прямая, общей протяженностью в 1618 метров (от Вознесенского проспекта до берегов реки Пряжки), улица сохра-

нила в себе признаки своеобразного колорита старой Коломны. Время не властно над ней. Она не отличается обилием великолепных общественных зданий и особыми архитектурными красотами, но в ее биографии и характерных чертах запечатлена интереснейшая страница истории нашего города.

Ансамбль Театральной площади долго делил Офицерскую улицу примерно на две равные, но не равнозначные части, их общественный вес менялся по мере ее формирования и перестройки. Примерно до начала 1860-х годов ярко блистала роскошная аристократическая половина улицы от Вознесенского проспекта до Театральной площади, в то время как ее вторая половина (от Офицерского моста до набережной реки Пряжки) оставалась захолустной городской окраиной с невыразительными строениями и огромными непроходимыми лужами на проезжей части.

Вот как описывал в 1864 году Офицерскую улицу в своем замечательном романе «Петербургские трущобы» писатель В.В. Крестовский: «Крюков канал служит границей между нарядной, показной частью города и тою особенною стороною, которая известна под именем Коломна... Впрочем, и здесь есть обитатели весьма комфортабельных бельэтажей, даже красуются пять-шесть барских домов, напоминающих „век нынешний и век минувший“... Чуть перевалитесь вы через любой из горбатых, неуклюжих мостов Крюкова канала, особенно вечером, как разом почувствуете, что вас охва-

тывает другой мир, отличный от того, который оставили вы за собой. Вы едете по Офицерской: улица узкая, сплошные каменные громады, в окнах газ, бездна магазинчиков и лавочек, по которым сразу видно торговлю средней руки: посередине улицы то и дело снуют извозчики; по нешироким тротуарам еще чаще сталкивается озабоченный разночинный народ – и это вечное движение ясно говорит вам про близость к городскому центру, про жизнь деятельную, всепоглощающую, промышленную – одним словом, про жизнь большого, многолюдного города.

Но вот узкая улица с ее шумом и суетней впала в окраину громадной площади. Тут движение еще сильнее, еще быстрее. Огни газовых фонарей пошли еще чаще.

Ярко освещенные подъезды и еще ярче залитые светом ряды окон двух огромных театров, быстрый топот рысачков, отовсюду торопливое гроыхание карет, ряды экипажей, „берегись" и, пади“ кучеров да начальственный крик жандармов – все говорит вам, что элегантный Петербург торопится убивать свое многообильное праздное время. Но чуть перевалите вы за горб Литовского моста, как вдруг запахло не центром, а близостью к окраине города. Офицерская улица, кажись, и та же, – да не та. Пошла она гораздо шире, просторнее; дома, в общей массе, менее высоки и громадны, инде виднеются сады, инде – постройки деревянные. Свету вдесятеро меньше, народу тоже, и нет ни этого снования, ни этого грохота экипажей.

В самом деле, какой резкий контраст!

Там, за вами, – шум и движение, блеск огней и блеск суетной жизни, балет и опера, все признаки веселья и праздности; а здесь – тишина и мрак, и безлюдье; здесь первое, что встречает вас за мостом, – это казенно-угрюмое здание городской тюрьмы, которую вечером, подъезжая к одному из двух театров, и не заметите вы в окутавшем ее мраке...

Одна и та же улица, но по одну ее сторону – жизнь многолюдного столичного города, а по другую сторону от Офицерского моста – столица умеренности и спокойствия. В бельэтажах ее домов не бывает раутов; на кухнях нет ни метрдотелей, ни поваров; есть лавки, но нет магазинов; по улице не гуляют, а ходят пешком. Здесь встают, когда по другую сторону улицы еще спят; обедают, когда там начинаются утренние визиты, и ложатся спать, когда там только собираются к вечерним визитам».

Историки Петербурга справедливо считали, что чем дальше отдалялась Офицерская улица от Театральной площади, тем больше она походила на городскую окраину. И действительно, долго еще, почти до начала XX столетия, здесь можно было видеть старые одноэтажные строения с колоннами, мезонинами, палисадниками и подслеповатыми деревянными флигелями. В праздной тишине этих заповедных уголков города люди свято берегли унаследованную старинную мебель и даже любимые часы-кукушки, продолжавшие мерно отсчитывать уходящее в Лету время.

По сравнению с элегантным участком Офицерской улицы ее последующая часть всегда выглядела значительно скромнее и беднее. Здесь сновали торговцы с лотками на головах, мещанки, рабочий люд, чиновники и их жены. Люди одевались небогато и пестро. Преобладали байковые платки на головах, салопы и жакетки. Мелькали жилетки купцов и русские сапоги, поддевки, крылатки, тальмы, кацавейки, демисезонные пальто с узкими бархатными воротниками и ватерпуфы с маленькими буфами на плечах местных красавиц. Кое-где в толпе поблескивали светлые пуговицы форменных шинелей и офицерские кокарды на околышах фуражек.

По мере приближения улицы к набережной реки Пряжки здания делались постепенно ниже и беднее, дома выглядели более мрачными и безликими. Улица наполнялась кустарными предприятиями, меблированными комнатами, распивочными, часовыми мастерскими, портновскими заведениями и даже кошерными еврейскими магазинчиками.

Да, именно кошерными, так как в конце XIX – начале XX века в Коломне, между Торговой и Офицерской улицами, сформировался район компактного проживания евреев. Историк-этнограф Наталия Юхнева отмечала, что еврейская колония появилась здесь во времена царствования императора Александра I, разрешившего своим указом евреям-фабрикантам и ремесленникам приезжать в столицу на короткий срок. До этого никто из евреев не имел права даже на короткое, временное пребывание вне «черты оседлости».

На Офицерской улице появились мелкие еврейские лавочки, сапожные и портновские мастерские, принадлежавшие евреям. Места пребывания евреев в Коломне и на Офицерской улице сохранили некоторые черты «местечкового» быта, связанные с народными традициями и обычаями, а также свой родной язык. Поэт Осип Мандельштам писал об уникальном своеобразии и оригинальности этих мест, с еврейскими вывесками с быком и коровой, женщинами с выбивающимися из-под косынки накладными волосами, семенящими в сюртуках до земли многоопытными и чадолюбивыми стариками.

Чем дальше от Театральной площади уходила Офицерская улица, тем больше становилось магазинов помельче — лавок и лавчонок. В них часто совсем не было приказчиков, хозяин со всем семейством жил при магазине. Над входной дверью подобного торгового заведения висел колокольчик, который давал владельцу знак о приходе покупателя. Подобные торговые заведения особенно часто встречались на улице после ее пересечения с Крюковым каналом, в районе Коломны. Особый вид имели так называемые мелочные лавки, прототипы современных универсамов и супермаркетов. В них можно было приобрести хлеб, селедку, овощи, крупы, конфеты, мыло, керосин, швабру, метлу, почтовые открытки, конверты и марки к ним, лампадное, постное, сливочное и топленое масло, дешевую посуду, пироги с различной начинкой, мясные продукты, предметы одежды и по-

стельное белье, кнуты для извозчиков и предметы лошадиной сбруи. Всего не перечесать. При некоторых лавках существовали небольшие пекарни, там кроме хлебобулочных изделий по просьбе покупателей можно было запечь ароматный окорок или баранью ногу, наштигованную чесноком, к рождественскому или пасхальному праздничному столу.

Для своих постоянных покупателей хозяин мог открыть кредит. В таких случаях клиенту мелочной лавки выдавалась заборная книжка, куда педантично вписывались приобретенные товары и их стоимость. Подобная форма торговли, основанная на доверии к постоянным жителям Коломенской части, была выгодна не только для покупателя, но и для хозяина торгового заведения, ибо доверительный кредит прикреплял жителя к определенной лавке, превращая его в постоянного клиента. Вряд ли хозяин мелочной лавки знал о всех секретах и деталях европейского торгового бизнеса, но его смекалка и опыт позволяли использовать некоторые эффективные приемы торговли магазинов Франции, Англии и Швейцарии. В частности, своим постоянным клиентам и исправным плательщикам владелец торговой точки к празднику даже мог выдать премию – коробку конфет, предмет домашней утвари, почтовый набор и прочие приятные безделицы.

В лавках всегда был полумрак, сгушавшийся в дальнем углу торговой залы, где лампада цветного стекла тускло освещала образ. На видном месте, рядом с патентом, красова-

лись не первой свежести олеографические портреты царя, молодого полковника с припухшими подглазьями, и царицы, с тонкими недобрыми губами, в кокошнике и с орденской лентой через плечо.

В местных «универсамах» торговали хлебом, мукой и керосином, пачками стеариновых свечей в обертке из плотной синей бумаги, солеными огурцами, конопляным и гарным маслом, дрожжами, солью и многим другим обиходным и дешевым товаром. На конторке всегда дремал большой рыжий кот, а на прилавке лежали селедки, прямоугольные бруски мыла с синими прожилками (завода Жукова), банки с брусничным вареньем, прикрытые стопками почтовой бумаги, пакетики ячменного кофе и папиросы «Трезвон». И что за беда, если хлеб припахивает керосином, а на бумаге оставались жирные следы пальцев хозяина! Зато здесь можно было иметь кредит, забирая продукты «на книжку», и узнавать последние новости Коломенской части города: «В веселеньком домике на Дровяной ночью зарезали матроса.».

И действительно, такие лавки служили своего рода местными клубами, где по вечерам собиралась «коломенская дворовая аристократия» – кухарки, няньки, дворники, прислуга, кучера, ремесленники, забежавшие на минутку купить десяток папирос или бутылку квасу и за разговорами задержаться, чтобы обсудить сенсационные, раздирающие душу новости и происшествия в округе: убийства, драки, кражи, измены и иные из ряда вон выходящие случаи. Здесь же

некоторые получали «авторитетные» разъяснения непонятных явлений жизни, «юридические» и даже «медицинские» советы и консультации.

Продажа водки в Петербурге, также как и в других губерниях Российской империи, являлась предметом царской монополии. Специальные казенные винные лавки – «казенки» или «монопольки» – размещались на тихих улицах, вдали от учебных заведений, церковных зданий и зрелищных учреждений. Согласно полицейским правилам «казенки» обычно располагались в первом этаже частного дома. Над дверью каждой винной лавки, расположенной на Офицерской улице, прибывалась небольшая вывеска: на зеленом поле двуглавый орел, а под ним надпись: «Казенная винная лавка». Бутылка водки высшего сорта, двойной очистки, имела сургучовую «белую головку» и стоила 60 копеек. Менее качественная водка, с «красной головкой», отпускалась по цене 40 копеек за бутылку. Продавались бутылки и большего размера – «четверти» (четверть ведра) в оригинальной упаковке – красивой корзинке из белой древесной щепы. Если у алчущих жителей Офицерской улицы имелись денежные затруднения, то они обычно довольствовались покупкой в «казенке» бутылочек белого вина меньшего размера. Например, «сороковки» – полбутылки, содержащей сороковую часть ведра. Бывали и типы, с трудом набравшие медяки на приобретение всего лишь одного «мерзавчика» – миниатюрной бутылочки заветного напитка любителей истины «веселие есть

питие». С посудой «мерзавчик» стоил 6 копеек: 4 копейки водка и 2 копейки посуда.

Торговое помещение перегородкой разделялось на две половины. В перегородке проделывались два окошка для приема денег и передачи бутылок с водкой. Продавцами в «казенках» обычно бывали женщины – они принимали деньги, после чего в другом окне водку выдавал мужчина, здоровенный громила, один внешний вид которого исключал возможные скандалы, ссоры и драки.

В.И. Пызин и Д.И. Засосов в своих воспоминаниях писали: «В лавке было тихо, зато рядом на улице царило оживление: стояли подводы, около них извозчики, любители выпить. Купив посудинку с красной головкой – подешевле, они тут же сбивали сургуч с головки, легонько ударяя ею о стену. Вся штукатурка около дверей была в красных кружках. Затем ударом о ладонь вышибалась пробка, выпивали из горлышка, закусывали или принесенным с собой или покупали здесь же у стоящих баб горячую картошку, огурец. В крепкие морозы оживление у „казенок" было значительно большее. Колоритными фигурами являлись бабы в толстых юбках, сидящие на чугунах с горячей картошкой, заменяя собой термос и одновременно греясь в трескучий мороз. Полицейские разгоняли эту компанию от винных лавок, но особого рвения не проявляли, так как получали угощение от завсегда-таев „казенки".

Фасады домов, расположенных на Офицерской улице,

всегда пестрели разнообразными вывесками и эмблемами торговых заведений. Под стягом золоченого кренделя, расквашавшегося и скрипевшего на ветру словно флюгер, процветала местная пекарня, из дверей которой выплывали аппетитные запахи свежей выпечки. В булочной, в витрине которой хозяин поместил огромный рог изобилия, извергающий баранки, бублики, плюшки, розанчики, сушки, калачи и караваи ситного хлеба с изюмом, всегда имелся широкий ассортимент свежей аппетитной продукции, пользующейся спросом у горожан.

В витрине магазина колониальных товаров возвышалась огромная сахарная голова в фирменной синей обертке. Рядом с ней располагалась фигура китайца с традиционной длинной косой и грудой разноцветных пакетов заморского, лучшего“ чая.

В разбросанных по Офицерской улице пивных и портерных створки входных дверей, расписанные наполовину зеленой краской, сверху обязательно окрашивались в желтый цвет. Над входом в питейное заведение обычно вывешивалось изображение пунцового рака с черными выпученными глазами. При этом усатое страшилище своими цепкими клешнями крепко удерживало стандартную для того времени вывеску: „Пиво, медь и портерь разных заводов – распивочно и на вынос“.

Оптик-механик украшал свое торговое заведение огромными золочеными пенсне, а хозяин соседней табачной лав-

чонки – фигурой коварно улыбающегося турка в красной феске, блаженно курящего из кальяна „лучшие сорта заморского табаку“».

Реклама эпохи головокружительных успехов молодого русского капитализма была мягкой и дружелюбной. Она ничего не навязывала потребителю, а лишь демонстрировала возможности покупок.

Глава старинной фармацевтической фирмы «Пель и сыновья» обращался к потенциальным пациентам с таким рекламным текстом: «Господа ревматики! Уродонал Шатлена – ваше спасение!» Рекламные формулировки были в те времена проще и человечнее, чем ныне. На некоторых кондитерских заведениях Офицерской улицы можно было увидеть рекламу со стихами поэта, скрывавшего свое имя под псевдонимом «Дядя Михей». Он рекламировал все съедобное, например, призы купить пастилу звучал так:

Как вкусна, дешева и мила
Абрикосовая пастила!
А впрочем, и прочее,
Убедитесь воочию!

А вот рекламный плакат, призывающий покупать знаменитое многоцветное мыло фабрики А.М. Жукова. На нем красовались пять дам, чьи наряды последовательно отражали капризы русской моды за два столетия. Плакат украшала надпись: «Пять поколений опытных хозяек стирают мылом

А.М. Жукова».

Невозможно себе представить дворы домов Офицерской улицы без звонкого, бодрого крика уличных торговцев, сменявших друг друга с раннего утра до позднего вечера. По выкрикам этих энергичных «бизнесменов», заходящих со своим товаром во дворы, жители, не выходя из комнаты, могли определить время года и какой наступил православный праздник: Мясоед, Масленица или сам Великий пост.

«„Стюдень говяжий!“ – влетает в открытую форточку веселый голос. Это значит „Мясоед“ на дворе – весенний или рождественский, или же на дворе сама „сплошная неделя“ (перед масленицей), когда даже самым постным людям разрешается „сплошь“ все мясное, и в среду, и в пятницу.

Но вот в комнату врывается громогласный призыв, вкусно восклицаящий на весь колодезный двор: „Кто белорыбицу с балыком провесным, кто бел-грибы-сушены!“ Это значит – на дворе Великий пост.

Весна легко узнается по предлагаемому ассортименту выкрикиваемых торговцем веселым, радостным криком с улицы: „Щавель зеленый! Шпинат молодой!“

На улице становится все теплее и теплее, наступает лето, и в открытые окна комнат влетают уже новые крики торговцев, предлагающих: „Горошек зеленый! Огурцы, огурцы зеленые! Картофель рассыпчатый молодой!“

За яблоками, арбузами наступает пора новых выкриков во дворах домов: „Орех, клюква! Орехи, клюква!“ – знать

пришла пора золотой осени.

Так круглый год сменяются эти задорные, веселые голоса. Их ждут, к ним давно привыкли.

Действительно, как обойтись без услуг умельцев, специально пришедших во двор вашего дома, чтобы помочь, что-либо исправить или наладить: „А во-от точить ножи-ножницы, бритвы править!" или „Лу-удить, пая-ять!"

Сюда, на Офицерскую улицу, часто заходили татары-старьевщики в черных бархатных тюбетейках, откликающиеся на зов „Эй, князь!" и сердито сплевывающие, когда их дразнили, потряхивая скомканным в виде свиного уха углом одежды. Их заунывный голос требует: „Костей-тряпок, бутылок-банок!"»

Начиная с 1870-х годов положение улицы резко изменилось. Газеты Петербурга писали: «...той Офицерской теперь нет и в помине. Сохранились лишь отдельные каменные здания той поры, да и то порядком видоизмененные». Наступил период, когда в Коломне нарастающими темпами шло строительство новых доходных многоэтажных домов, с квартирами, сдаваемыми внаем.

Предприимчивые купцы и фабриканты скупали участки, занятые барскими особняками и на их месте возводили многоэтажные строения «под жильцов». Облик Офицерской улицы менялся буквально на глазах ее жителей.

В конце первой половины 80-х годов XIX века в Петербурге вошел в моду итальянский ренессанс XV–XVI веков,

так как мотивы этого стиля отличались сравнительной простотой архитектурно-декоративных элементов, их разнообразием и большой композиционной гибкостью. Это объясняется тем, что в эпоху Возрождения художественная обработка фасада обрела относительную самостоятельность. Она не была так непосредственно связана с конструкцией здания, как это требовалось в предшествующие периоды. Неоренессанс, созданный итальянскими архитекторами, предусматривал значительное количество разнообразных вариаций стиля, привлекал строителей многочисленными новыми приемами компоновки и орнаментально-декоративными мотивами. В петербургском неоренессансе существовало несколько разновидностей: использование ордера или отказ от него и применение в отделке фасадов только одной rustication и нарядных ренессансных наличников.

Характерным примером ордерной разновидности неоренессанса середины 80-х годов XIX века является ныне существующий жилой дом полковника Брюна на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов, 49), возведенный в 1840–1841 годах по проекту архитектора Е.Ф. Паскаля.

В основу композиции фасада этого жилого здания автором положен прием поэтажной обработки ордером в предельно упрощенном варианте. В данном случае столичный архитектор, стремясь, очевидно в соответствии с пожеланиями заказчика – полковника Брюна, сделать отделку дома на Офицерской улице простой и недорогой, вместо обычных

для итальянского ренессанса колонн или пилястр обработал фасад доходного дома лопатками – плоскими вертикальными выступами. Благодаря подобному решению дом на Офицерской улице в рамках единой композиционной системы приобрел оригинальный художественный вид, эмоциональный и идейно-смысловой оттенок, отражающий его функциональное назначение – рядового доходного здания.

С точки зрения архитектуры вторая половина XIX века – это эпоха эклектики, особого стиля, пришедшего на смену классицизму. Эклектика была удобна для быстрого массового тиражирования доходных домов и вместе с тем создавала определенную видимость разнообразия во внешнем оформлении фасадов. Заказчики по-иному стали строить дома на Офицерской улице. У них были чисто утилитарные цели и свое практическое отношение к объекту выгодного вложения денег. Появился своеобразный подход к архитектурному стилю – с точки зрения его «доходности». Об этом в начале 1870-х годов с определенным сарказмом высказался в своем «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский: «...право не знаешь, как и определить теперешнюю нашу архитектуру. Тут какая-то безалаберность, совершенно, впрочем, соответствующая безалаберности настоящей минуты. Это множество чрезвычайно высоких (первое дело высоких) домов под жильцов, чрезвычайно, говорят, тонкостенных и скуповыстроенных, с изумительною архитектурою фасадов: тут и Растрелли, тут и позднейший рококо, дожевские балконы и

окна, непременно оль-де бефы (круглое или овальное окно) и непременно пять этажей, и все это в одном и том же фасаде <...> Дожевское окно ты мне, братец, поставь непременно, потому чем я хуже какого-нибудь ихнего голоштанного дожа; ну и пять-то этажей ты мне все-таки выведи жильцов пускать; окно окном, а этажи чтобы этажами; не могу же я из-за игрушек всего нашего капиталу решиться».

После этих строчек становится понятным, почему внешнее оформление современных зданий Офицерской улицы достаточно упрощено, но все же сохраняет черты того или иного исторического стиля – от позднего классицизма к неоренессансу.

Строили в то время очень быстро. Автор «Описания Санкт-Петербурга» И. Пушкарев писал: «Постройка новых зданий производится с быстротою почти невероятною... Едва только положат фундамент, как через пять месяцев делается уже огромный каменный дом в три и более этажей, в котором на другой год все комнаты от чердака до уголка дворника наполняются постояльцами».

Стремясь увеличить доходность строения, предприимчивые домовладельцы при постройке жилого здания пытались уплотнить площадь двора, стараясь обойти введенный правительством в 1857 году «Строительный устав». Его положения гласили: «Во всяком отдельном участке должен быть по крайней мере один двор, пространством не менее 30 кв. саженей, причем наименьшая ширина его должна быть не

менее трех саженей». Кроме обыкновенных дворов дозволялось устраивать, исключительно для освещения лестниц, коридоров, отхожих мест, чуланов и других помещений, световые дворики. В строительных правилах были статьи, запрещающие устраивать жилые этажи с полами ниже поверхности тротуара. Не разрешалось также приспособливать под жилье подвалы и чердаки. Однако на деле эти требования, как правило, не соблюдались – в полуподвальные этажи хозяева обычно заселяли прислугу и дворников.

Планировка жилых помещений доходных домов на Офицерской улице отличалась большим разнообразием. Диапазон их размеров и степени комфортности достаточно широкий: от гигантских многокомнатных квартир с огромными спальнями и такими же гостиными – до скромных, в две-три комнаты. В лицевом корпусе домов, с окнами на улицу, обычно располагались многокомнатные квартиры состоятельных жильцов. Солидные квартиры имели две лестницы – парадную и черную, выходящую во двор. Парадные лестницы в тот период оформлялись достаточно нарядно и зимой обязательно обогревались. Черные лестницы служили для прислуги; для дворника, разносившего по квартирам тяжелые вязанки дров; для приема торговцев и разного рода ремесленников.

Таким образом, лестницы словно разделяли квартиру на две части: на «барскую» и хозяйственную половины. В дворовом корпусе размещались более дешевые квартиры с од-

ной лестницей.

Отапливались квартиры в основном дровами. Печи были или круглые кирпичные, декорированные гофрированными крашеными металлическими листами, или голландские изразцовые. Обычно изразцы для печей использовали белого цвета. Реже печи облицовывались более дешевыми неглазурованными изразцами, подвергавшимися окраске или даже оклейке обоями.

В соответствии с договорными условиями квартира могла сдаваться «с дровами» или «без дров». Конечно, квартиры «с дровами» для жильцов были более удобными, ибо домохозяин сам заботился о покупке и доставке дров, причем, как оптовый покупатель, получал их по умеренно низким ценам. За отдельную плату дворники кололи поленья и регулярно разносили охапки дров по квартирам.

Большой проблемой для жителей домов Офицерской улицы, как, впрочем, и других магистралей Коломны, являлось освещение своих квартир. Керосиновые лампы, появившиеся в 1860-е годы, к концу XIX столетия вытеснили все другие источники света, ибо керосиновое освещение обходилось в 4 раза дешевле газового и электрического, в 22 раза – свечного и парафинового и в 30 раз – стеаринового. В целях экономии старались максимально использовать дневной свет. Над дверями устраивались световые окна для освещения темных прихожих, коридоров и проходных комнат. Освещение экономили, вечерами в квартирах можно было наблюдать одну

и ту же сцену: все собираются в гостиной за общим столом — дети учат уроки, отец читает газету, а мать что-либо вяжет, и все это при одной керосиновой лампе.

Судя по старым чертежам, площадь кухни в жилой квартире составляла не менее 8 метров, а обычно 10–12. Два метра в ней занимала плита и столько же — постель кухарки. При наличии прислуги последняя, не имея отдельной комнаты, вынуждена была ночевать вместе с кухаркой в кухне. Няня спала в детской. В плиту обычно вделывали открытые чугунные котлы для мытья посуды или баки для кипячения белья. Правда, это — редкое исключение, так как в подвалах всех доходных домов устраивались прачечные.

Ванны в домах на Офицерской улице имелись лишь в больших многокомнатных квартирах.

По воспоминаниям жителей, Офицерская улица в конце XIX и начале XX века славилась поразительной ухоженностью и порядком. Весь жилой фонд находился в частных руках и по одной этой причине содержался в идеальном состоянии. За его благополучием наблюдали домовладельцы, управляющие домами, дворники и швейцары. Жилые дома всегда добротнo окрашивались, большинство парадных подъездов оборудовались специальными козырьками, укрепленными на красивых металлических столбиках. По краю тротуара устанавливались ряды каменных или металлических тумб, оберегавших прохожих от наезда телег и пролеток.

Особенно красиво на Офицерской улице выглядели первые этажи большинства домов. Подъезды и парадные двери содержались в идеальной чистоте. Их регулярно прибирали и полировали. Начищенные до блеска медные и бронзовые дверные ручки ярко сияли на солнце. Большинство парадных дверей изготовлялось из ценных пород древесины, но наибольшее предпочтение на Офицерской отдавали красному дереву.

Подъезды зданий всегда содержались в идеальном состоянии. Здесь главная фигура – швейцар. Они набирались в основном из заслуженных дворников, тех, что пообходительней, состарились на службе и не могли уже выполнять тяжелую физическую работу. При найме швейцара обязательно принимались во внимание благообразная внешность и учтивость претендента на довольно престижное место. Жили они в швейцарской комнате первого этажа дома, убирали парадную лестницу (черную убирали дворники), натирали до блеска мозаичные лестничные площадки, чистили медные ручки дверей. Хозяин выдавал им обмундирование – ливрею и фуражку с золотым позументом. Швейцары пользовались полным доверием жильцов, при своем отъезде из города обычно они оставляли им ключи от квартиры. Швейцары старались как можно лучше обслуживать жильцов и всегда оказывали им всевозможные услуги. Как правило, при приходе в дом незнакомого человека швейцар обязательно спрашивал, к кому он идет, и следил за посетителем.

Располагая квартирами самого различного размера и качества, хозяин каждого дома на Офицерской улице пускал жильцов с разбором, всегда имея в виду их платежеспособность, положение в обществе и благонадежность. При необходимости до заключения контракта он сам или его управляющий наводили нужные справки и собирали подробные сведения о будущем жильце с его старого места жительства.

Справочная книга «Весь Петербург в кармане», составленная в 1851 году Алексеем Гречем, указывала: «...всякое лицо, прибывшее в Санкт-Петербург, обязано владельцу или управляющему домом, а где оных нет – дворнику того же дома или здания, в котором остановился, дать вместе с видом своим на жительство сведения о прибытии и не иначе, как на листке, нарочно для того заготовленном, с верным и подробным в надлежащих графах оного означением о самом себе и с показанием прежнего места своего жительства... Каждое лицо при переходе в Санкт-Петербурге из одного дома или здания в другой также обязано дать владельцу тем домом... сведения о самом себе и о прежнем месте своего жительства...».

Хозяин дома с каждым жильцом заключал торжественное условие (контракт). Договор заканчивался строкой, гласившей: «...Условие сие с обеих сторон хранить свято и нерушимо». На документ наклеивалась гербовая марка, и он скреплялся подписями хозяина и квартиранта. В договоре оговаривалась квартирная плата, зависевшая от величины и

удобства квартиры, ее расположения (на улицу или во двор), от высоты этажа. Наиболее дорогими были квартиры во втором этаже, с окнами на улицу (в 1875 году – в среднем 20 рублей в месяц). В первом и третьем этажах в этот же период времени квартира стоила 18 рублей, в четвертом – 16 рублей. Аналогичные квартиры с окнами во двор стоили обычно на 6 рублей дешевле.

Часть получаемой квартплаты хозяин отчислял на необходимые расходы по дому, на жалованье управляющему, дворникам, оплату страховки дома, налогов, на очистку территории и санитарных сооружений.

Управляющий домом – фигура особая. Нанимали его по договору, с обязательным условием «...в устранение могущей случиться растраты месячный за квартиру сбор обеспечивается со стороны управляющего или равным денежным залогом, или надежным поручительством». Что же входило в обязанности этого наделенного немалыми правами человека, энергичного, предприимчивого профессионала? Он обеспечивал «сбор денег за квартиры, ведение денежных или домовых книг, надзор за дворниками и рабочими по дому, наблюдение за чистотою, порядком и благочинием в доме, приискание подрядчиков и рабочих, заключение с ними условий и расплата в размере разрешенной суммы, взнос куда следует поземельных и страховых денег и проч. Управляющий отвечает за все по дому упущения и беспорядки и принимает на свой счет и страх все могущие последовать от

того взыскания, налагаемые административными и судебными властями».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.